

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**Истец несет судебные расходы,
связанные с рассмотрением дела
по его иску о признании права собственности
на самовольно возведенное им строение**

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 12 июля 2016 г. № 22-КГ16-5*

(Извлечение)

М. обратился в суд с иском к органу местного самоуправления (далее — ОМСУ) о признании права собственности на нежилое здание. ОМСУ обратился к М. со встречным иском о сносе самовольно возведенной постройки.

Решением суда первой инстанции (и с ним согласился суд апелляционной инстанции) первоначальный иск удовлетворен: за М. признано право собственности на нежилое здание (магазин). С ОМСУ в пользу М. взысканы судебные расходы за составление технического плана, за оплату экспертного заключения и др. В удовлетворении встречного иска ОМСУ было отказано.

Взыскивая в пользу М. судебные расходы, суды руководствовались ст. 98 ГПК РФ, указав, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 12 июля 2016 г. не согласилась с указанными выше выводами судов первой и апелляционной инстанций и пришла к выводу о наличии оснований для удовлетворения кассационной жалобы главы ОМСУ в связи со следующим.

Как следует из ч. 2 ст. 55 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ) (в редакции, дей-

ствовавшей на момент обращения М. в суд с иском о признании права собственности на нежилое здание), для ввода объекта в эксплуатацию застройщик обращается в федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления или уполномоченную организацию, осуществляющую государственное управление использованием атомной энергии и государственное управление при осуществлении деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, выдавшие разрешение на строительство, непосредственно либо через многофункциональный центр с заявлением о выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.

Для принятия решения о выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию ч. 3 указанной выше статьи установлен перечень документов, необходимых для предоставления в административный орган.

Кроме того, постановлением Правительства РФ от 1 марта 2013 г. № 175 “Об установлении документа, необходимого для получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию” (действовавшим на момент обращения М. в суд с иском о признании права собственности на нежилое здание) установлено, что документом, необходимым для получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, помимо документов, предусмотренных ч. 3 ст. 55 ГрК РФ, является технический план, подготовленный в соответствии с требованиями ст. 41 Федерального закона “О государственном кадастре недвижимости”.

Таким образом, наличие технического плана объекта недвижимости является обязательным условием как для ввода объекта в эксплуатацию,

так и для ведения государственными органами государственного кадастра недвижимости (ст.ст. 1, 16 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ “О государственном кадастре недвижимости”).

При таких обстоятельствах затраченные истцом на составление технического плана объекта недвижимого имущества денежные средства нельзя признать издержками, понесенными М. в связи с рассмотрением дела, поскольку истец обязан иметь указанный технический план в силу закона.

Кроме того, по смыслу ч. 1 ст. 56 ГПК РФ бремя доказывания отсутствия препятствий для признания права собственности на самовольную постройку лежит на истце.

Как следует из встречного иска ОМСУ, строительство спорного объекта недвижимости осуществлено без согласия администрации и без получения необходимых разрешений.

Пунктом 3 ст. 222 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) предусмотрено, что право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка. При этом право собственности на самовольную постройку не может быть признано за указанным лицом, если сохранение постройки нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц либо создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Судом было установлено, что М. ходатайствовал перед судом о назначении судебной строительно-технической экспертизы для разрешения вопросов соответствия возведенного здания градостроительным и строительным нормам, а также наличия угрозы для жизни и здоровья граждан.

При таких обстоятельствах, являясь заинтересованным лицом в удовлетворении своего требования о признании права собственности на самовольную постройку, истец должен самостоятельно нести расходы на проведение судебной строительно-технической экспертизы.

Суды не учли, что понесенные истцом в ходе рассмотрения дела расходы, в том числе и на уплату государственной пошлины при подаче иска, были связаны с его намерением в судебном порядке признать право собственности на самовольно возведенное им строение и не были обусловлены ОМСУ.

В связи с изложенным Судебная коллегия пришла к выводу о том, что допущенные судами нарушения норм права, являясь существенными, повлияли на исход дела, и без их устранения были невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов заявителя кассационной жалобы, в связи с чем отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

1. Оператор почтовой связи не может быть привлечен к административной ответственности, установленной ст. 13.26 КоАП РФ, по истечении двух месяцев со дня возвращения судебного извещения с нарушением установленного срока его хранения

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 305-АД17-1975

(Извлечение)

Государственное унитарное предприятие (далее — предприятие), являющееся оператором почтовой связи, оспорило в арбитражном суде постановление районного отдела судебных приставов, которым предприятие привлечено к административной ответственности, предусмотренной ст. 13.26 КоАП РФ за нарушение порядка доставки (вручения) адресату судебных извещений.

Основанием для привлечения предприятия к указанной административной ответственности послужил тот факт, что поступившее в отделение почтовой связи заказное письмо разряда “Судебное” было возвращено в этот же день отправителю письма — районному суду, т.е. раньше установленного срока хранения письма.

При рассмотрении дела суды пришли к выводу о наличии в действиях предприятия состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ст. 13.26 КоАП РФ, и соблюдении процедуры привлечения предприятия к административной ответственности, в том числе двухмесячного срока давности привлечения к ответственности, в связи с чем отказали в удовлетворении заявления предприятия.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 18 июля 2017 г. отменила судебные акты, сочтя ошибочными выводы судов в части соблюдения срока давности привлечения предприятия к административной ответственности.

Согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, — по истечении трех месяцев) со дня совершения административного правонарушения.

Вменяемое правонарушение совершено в момент возвращения предприятием спорного заказного письма разряда “Судебное” его отправителю с нарушением установленного срока хранения такого почтового отправления.

Однако постановление о привлечении к административной ответственности вынесено после истечения двух месяцев с указанного момента.

Таким образом, привлечение предприятия к административной ответственности после истечения предусмотренного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срока давности привлечения к ответственности является недопустимым.

2. Завышение цены приобретения товара относительно рыночной стоимости само по себе не является основанием для отказа в вычете сумм налога на добавленную стоимость у покупателя, если в бюджете создан экономический источник для вычета (возмещения) этого налога

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 3 октября 2017 г. № 305-КГ17-4111*

(Извлечение)

По результатам выездной налоговой проверки общества налоговый орган в соответствии со ст. 40 НК РФ принял решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения и доначислении налога на прибыль организаций, налога на добавленную стоимость (далее — НДС) в связи с завышением относительно рыночного уровня покупной стоимости приобретения товаров (коньячного спирта), импортированных в Российскую Федерацию.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и суда округа, в удовлетворении требования общества о признании недействительным указанного решения инспекции отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 3 октября 2017 г. отменила судебные акты в части эпизода доначисления НДС и признала решение инспекции недействительным в соответствующей части по следующим основаниям.

Как следует из п. 3 ст. 3 НК РФ, по своей экономико-правовой природе НДС является налогом на потребление товаров (работ, услуг), взимаемым на каждой стадии их производства и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю, исходя из стоимости (цены), добавленной на каждой из указанных стадий.

В целях обеспечения взимания налога в соответствии с добавленной стоимостью глава 21 НК РФ предусматривает, что НДС, исчисленный налогоплательщиком при совершении собственных облагаемых операций, уплачивается в бюджет за вычетом сумм так называемого “входящего” налога, предъявленного контрагентами в дополнении к цене товаров (работ, услуг), приобретенных налогоплательщиком (п. 1 ст. 168, п. 2 ст. 171 и п. 1 ст. 173 НК РФ).

Таким образом, юридически значимым обстоятельством, определяющим возможность применения налоговых вычетов при приобретении товаров (работ, услуг) налогоплательщиком-покупателем, является заявление к вычету НДС не более суммы налога, предъявленной налогоплательщику его контрагентом, имея в виду, что поставщик создает в бюджете экономический источник для последующего вычета (возмещения) налога у покупателя.

Для тех случаев, когда товары приобретаются у иностранного поставщика и в соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 146 НК РФ экономический источник для вычета НДС создается лицом, уплачивающим налог при ввозе товара на территорию Российской Федерации, в п. 2 ст. 171 НК РФ пря-

мо указано, что к вычету принимается сумма налога, фактически уплаченная в бюджет при ввозе товаров.

Как установлено судами, общество приобрело у иностранных поставщиков коньячный спирт, при ввозе которого на территорию Российской Федерации общество уплатило в бюджет НДС в соответствующем размере (исходя из примененной сторонами сделки импортной цены товара), что подтверждается необходимыми документами; коньячный спирт был принят обществом к учету и использован в облагаемой налогом деятельности; принятая обществом к вычету сумма НДС соответствует сумме НДС, уплаченной в бюджет при ввозе названного товара на территорию Российской Федерации. Следовательно, установленные законом требования к вычету НДС обществом соблюдены.

Выводы налогового органа о завышении цены приобретения товара относительно рыночного уровня не могли служить правовым основанием для отказа в применении налоговых вычетов по НДС, поскольку в силу установленных главой 21 НК РФ и изложенных выше правил взимания данного налога приобретение налогоплательщиком товаров по более высокой цене относительно рыночного уровня само по себе не влечет нарушения интересов казны и не означает получения им необоснованной налоговой выгоды: при ввозе коньячного спирта на таможенную территорию создан экономический источник для вычета налога покупателем и действия общества, принявшего к вычету сумму НДС, соответствовали п. 2 ст. 171 НК РФ.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

**1. Формула (2) п. 11 главы III
“Расчет необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей”
Методических указаний по расчету тарифов на услуги по передаче электрической энергии, устанавливаемых с применением метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки, утвержденных приказом Федеральной службы по тарифам от 17 февраля 2012 г.
№ 98-э, в части, допускающей при расчете необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей не учитывать регулирующему органу доход, недополученный при осуществлении регулируемой деятельности в предшествующем периоде регулирования по независящим от организации, осуществляющей регулируемую деятельность, причинам, признана недействующей со дня вступления решения суда в законную силу**

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 ноября 2016 г. № АКПИ16-895,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 февраля 2017 г. № АПЛ17-9*

(Извлечение)

Приказом Федеральной службы по тарифам (далее — ФСТ России) от 17 февраля 2012 г. № 98-э утверждены Методические указания по

расчету тарифов на услуги по передаче электрической энергии, устанавливаемых с применением метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки (далее — Методические указания).

Нормативный правовой акт зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации (далее — Минюст России) 29 февраля 2012 г., регистрационный номер 23367, и опубликован в “Российской газете” 7 марта 2012 г., № 49.

Пунктом 11 главы III “Расчет необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей” Методических указаний определены формулы, по которым рассчитывается необходимая валовая выручка на содержание электрических сетей на базовый (первый) и i -й год долгосрочного периода регулирования (тыс. рублей).

Формулой (1) необходимая валовая выручка на содержание электрических сетей на базовый (первый) год долгосрочного периода регулирования ($HVV_1^{сод}$) принимается равной сумме подконтрольных расходов, учтенных в базовом году долгосрочного периода регулирования ($ПР_1$), неподконтрольных расходов, определяемых методом экономически обоснованных расходов, для базового года долгосрочного периода регулирования ($НР_1$) и результатов деятельности регулируемой организации до перехода к регулированию тарифов на услуги по передаче электрической энергии в форме установления долгосрочных параметров регулирования деятельности такой организации, учитываемых в базовом году долгосрочного периода регулирования в соответствии с пп. 7 и 32 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 (далее — Основы ценообразования), (B_1).

Формула (2) определяет необходимую валовую выручку на содержание электрических сетей на i -й год долгосрочного периода регулирования ($HVV_i^{сод}$) исходя из суммы:

произведения подконтрольных расходов, учтенных в $i-1$ году долгосрочного периода регулирования ($ПР_{i-1}$), на индекс потребительских цен, определенный на i -й год долгосрочного периода регулирования (I_i), на сумму числового значения (1) и произведения коэффициента эластичности подконтрольных расходов по количеству активов, необходимых для осуществления регулируемой деятельности, в отношении регулируемых организаций, осуществляющих передачу электрической энергии, равного 0,75 ($K_{эл}$), на отношение разности количества условных единиц в i -том ($у_{ei}$) и $(i-1)$ -ом году ($у_{e(i-1)}$) долгосрочного периода регулирования к количеству условных единиц в i -том году долгосрочного периода регулирования ($у_{ei}$) на разность числового значения (1) и индекса эффективности подконтрольных расходов, устанавливаемого регулирующими органами в соответствии с методическими указаниями по определению базового уровня операционных, подконтрольных расходов территориальных сетевых организаций, необходимых для

осуществления регулируемой деятельности, и индекса эффективности операционных, подконтрольных расходов с применением метода сравнения аналогов (X_i);

неподконтрольных расходов, определяемых методом экономически обоснованных расходов, для i -го года долгосрочного периода регулирования ($НР_i$);

расходов i -го года долгосрочного периода регулирования, связанных с компенсацией незапланированных расходов (со знаком “плюс”) или полученного избытка (со знаком “минус”), выявленных по итогам последнего истекшего года долгосрочного периода регулирования, за который известны фактические значения параметров расчета тарифов, связанных с необходимостью корректировки валовой выручки регулируемых организаций, указанной в п. 9, а также расходов в соответствии с п. 10 Методических указаний и корректировки необходимой валовой выручки в соответствии с п. 32 Основ ценообразования (B_i);

произведения необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей на $(i-2)$ -й год долгосрочного периода регулирования ($HVV_{i-2}^{сод}$) на понижающий (повышающий) коэффициент, корректирующий необходимую валовую выручку сетевой организации с учетом надежности и качества производимых (реализуемых) товаров (услуг) в году i , определяемый в процентах в соответствии с Методическими указаниями по расчету и применению понижающих (повышающих) коэффициентов, позволяющих обеспечить соответствие уровня тарифов, установленных для организаций, осуществляющих регулируемую деятельность, уровню надежности и качества предоставляемых товаров и оказываемых услуг, утвержденными приказом ФСТ России от 26 декабря 2010 г. № 254-э/1 (зарегистрирован Минюстом России 13 ноября 2010 г., регистрационный номер 18951) (КНК $_i$).

Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2015 г. № 373 “О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования” ФСТ России упразднена, ее функции переданы Федеральной антимонопольной службе (далее — ФАС России).

Муниципальное предприятие “Горэлектросеть” муниципального образования “Няндомское” (далее — МП “Горэлектросеть” МО “Няндомское”), являющееся территориальной сетевой организацией, оказывающей услуги по передаче электрической энергии по электрическим сетям, принадлежащим ей на праве собственности или ином законном основании, обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением о признании недействующей формулы (2) п. 11 главы III “Расчет необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей” Методических указаний в той мере, в которой она не предусматривает включение в необходимую валовую выручку выпадающих доходов за предшествующий период регулирования.

Верховный Суд РФ 22 ноября 2016 г. административное исковое заявление удовлетворил по следующим основаниям.

Федеральным законом от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ “Об электроэнергетике” установлены правовые основы экономических отношений в сфере электроэнергетики, определены полномочия органов государственной власти на регулирование этих отношений, основные права и обязанности субъектов электроэнергетики при осуществлении деятельности в сфере электроэнергетики (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии) и потребителей электрической энергии.

В целях реализации полномочий в области государственного регулирования цен (тарифов) уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполнительной власти в числе прочего устанавливает цены (тарифы) на услуги по передаче электрической энергии по единой национальной (общероссийской) электрической сети и предельные (минимальный и (или) максимальный) уровни цен (тарифов) на услуги по передаче электрической энергии по электрическим сетям, принадлежащим на праве собственности или ином законном основании территориальным сетевым организациям (п. 2 ст. 21, п. 2 ст. 24 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ).

Согласно абз. 1 п. 38 Основ ценообразования (в редакции, действовавшей на день принятия оспариваемого нормативного правового акта) тарифы на услуги по передаче электрической энергии, устанавливаемые с применением метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки, регулирующими органами определяются в соответствии с методическими указаниями, утверждаемыми ФСТ России.

Подпунктом 5.2.1 Положения о Федеральной службе по тарифам, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 332, ФСТ России было предоставлено полномочие на принятие методических указаний (методики) по расчету регулируемых тарифов (цен) и (или) их предельных уровней на электрическую энергию (мощность) и размера платы за услуги, оказываемые на оптовом и розничных рынках электрической энергии (мощности), с использованием установленных методов регулирования.

Таким образом, оспариваемые в части методические указания утверждены компетентным федеральным органом исполнительной власти в соответствии с предоставленными ему полномочиями во исполнение требований закона. Порядок принятия, государственной регистрации и опубликования нормативного правового акта соблюден.

В соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 23 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ государственное регулирование цен (тарифов), надбавок осуществляется в порядке, установленном основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике и правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденными Правительством Российской Федерации.

Пункт 2 названной статьи гарантирует соблюдение при осуществлении государственного регулирования цен (тарифов) в электроэнергетике такого основного принципа, как учет результатов деятельности организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности, по итогам работы за период действия ранее утвержденных цен (тарифов).

При установлении регулируемых цен (тарифов) учету подлежит необходимая валовая выручка, которой в силу п. 2 Основ ценообразования признается экономически обоснованный объем финансовых средств, необходимых организации для осуществления регулируемой деятельности в течение расчетного периода регулирования.

Абзацем 10 п. 7 Основ ценообразования предусмотрено, что в случае, если на основании данных статистической и бухгалтерской отчетности за год и иных материалов выявлен доход, недополученный при осуществлении регулируемой деятельности в этот период регулирования по независящим от организации, осуществляющей регулируемую деятельность, причинам, указанный доход учитывается регулирующими органами при установлении регулируемых цен (тарифов) на следующий период регулирования.

Между тем из содержания п. 11 Методических указаний следует, что расчет необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей на *i*-й год долгосрочного периода регулирования по формуле (2) производится без учета показателя доходов, недополученных при осуществлении регулируемой деятельности в предшествующем периоде регулирования по независящим от организации, осуществляющей регулируемую деятельность, причинам.

Как следует из объяснений представителей ФАС России, при установлении регулируемых цен (тарифов) на следующий период регулирования соответствующий регулирующий орган должен применять при расчете анализируемую формулу и положения абз. 10 п. 7 Основ ценообразования.

Следовательно, осуществляемое согласно формуле (2) правовое регулирование допускает ситуацию, когда при расчете необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей конкретный регулирующий орган может не учитывать доход, недополученный при осуществлении регулируемой деятельности в предшествующем периоде регулирования по независящим от организации, осуществляющей такую деятельность, причинам, если тарифы на услуги по передаче электрической энергии, устанавливаемые с применением метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки, будут определяться регулирующим органом только на основании оспариваемой формулы Методических указаний.

Вместе с тем, по смыслу взаимосвязанных пп. 7 и 38 Основ ценообразования, необходимая валовая выручка в части содержания электрических сетей на *i*-й год долгосрочного периода регулирования должна определяться с учетом установленных ими требований, не допускающих их произвольного применения регулирующими органами. Это, в свою очередь, означает, что соот-

ветствующая формула (2) расчета должна соответствовать имеющим большую юридическую силу положениям Основ ценообразования.

С учетом изложенного формула (2) п. 11 главы III “Расчет необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей” Методических указаний по расчету тарифов на услуги по передаче электрической энергии, устанавливаемых с применением метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки, утвержденным приказом Федеральной службы по тарифам от 17 февраля 2012 г. № 98-э, подлежит признанию недействующей со дня вступления решения суда в законную силу в той мере, в которой данная формула допускает при расчете необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей не учитывать регулирующему органу доход, недополученный при осуществлении регулируемой деятельности в предшествующем периоде регулирования по независящим от организации, осуществляющей регулируемую деятельность, причинам.

2. Подпункт 6 п. 17 перечня работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования) работников (приложение № 2), в части, предусматривающей в качестве дополнительных медицинских противопоказаний для выполнения работ медицинского персонала лечебно-профилактических учреждений заразные и деструктивные формы туберкулеза, и абз. 26 п. 48 Порядка проведения обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (приложение № 3), утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 12 апреля 2011 г. № 302н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 февраля 2017 г. № АКПИ16-1323, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 июня 2017 г. № АПЛ17-158

3. Пункты 6, 12 Порядка разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, утвержденного приказом Минприроды России от 25 февраля 2010 г. № 50, и приложения к нему в части, предусматривающей установление срока действия нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2017 г. № АКПИ17-10, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 8 июня 2017 г. № АПЛ17-153

4. Пункты 107, 111, 115, 117 Административного регламента Федерального агентства по недропользованию по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесении изменений и дополнений в лицензии на пользование участками недр, а также переоформления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр, утвержденного приказом Минприроды России от 29 сентября 2009 г. № 315, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 марта 2017 г. № АКПИ16-1380, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № АПЛ17-180

5. Подпункт “а” п. 49 Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2009 г. № 112, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 22 марта 2017 г. № АКПИ17-99, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № АПЛ17-179

6. Абзац 4 п. 42(1) Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 1 марта 2017 г. № АКПИ16-1369, вступившее в законную силу

7. Пункты 7, 30, 65(1) Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178, в части, позволяющей признавать суммы, учтенные в резерве по сомнительным долгам и не списанные в регулируемом периоде в качестве безнадежного долга, необоснованными расходами организации, осуществляющей регулируемый вид деятельности, в результате чего они подлежат исключению из необходимой валовой выручки на очередной период регулирования, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 6 марта 2017 г. № АКПИ16-1341, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20 июля 2017 г. № АПЛ17-184

8. Пункт 7 Методических указаний по расчету тарифов на перемещение и хранение задержанных транспортных средств и установлению сроков оплаты, утвержденных приказом ФАС России от 15 августа 2016 г. № 1145/16, в части установления ФАС России предельного срока оплаты (отсрочки оплаты) перемещения и хранения задержанных транспортных средств (не менее 30 дней со дня перемещения задержанного транспортного средства), признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 9 марта 2017 г. № АКПИ16-1379, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № АПЛ17-172

9. Пункт 1 постановления Правительства РФ от 25 августа 2016 г. № 840 “О расширении территории национального парка “Русская Арктика” в части, предусматривающей ликвидацию государственного природного заказника федерального значения “Земля Франца-Иосифа”, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 марта 2017 г. № АКПИ16-1344, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № АПЛ17-178

10. Пункт 2 Правил исчисления стажа службы (выслуги лет) для выплаты ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет) сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2011 г. № 1158, в той части, в которой оспариваемые положения не предусматривают льготного исчисления периода службы в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими и экологическими условиями, в том числе отдаленных, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2017 г. № АКПИ17-53, вступившее в законную силу

11. Пункты 2, 3, 5, 6, 7, подп. “л” п. 8 Положения о федеральном государственном надзоре в области связи, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2013 г. № 476, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 26 апреля 2017 г. № АКПИ17-104, вступившее в законную силу

12. Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251, в части, в которой в нем не указаны сроки принятия судами решений по поданным в электронном виде обращениям, идентичные срокам ст. 133 ГПК РФ, и отсутствует установленный порядок (правила) обязательного направления в электронном виде в адрес заявителя принятого решением судом по поданному электронному заявлению по истечении процессуального срока, предусмотренного данной статьей, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 апреля 2017 г. № АКПИ17-126, вступившее в законную силу

13. Пункт 2 приложения 1 к Положению о национальном парке “Земля леопарда”, утвержденному приказом Минприроды России от 4 июня 2012 г. № 142, в части включения спорных земельных участков Славянского участкового лесничества в состав национального парка “Земля леопарда” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 24 апреля 2017 г. № АКПИ17-192, вступившее в законную силу

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Суд первой инстанции обоснованно признал лицо виновным в убийстве, совершенном с особой жестокостью, исходя не только из множественности причиненных потерпевшему телесных повреждений, но и локализации, длительности нанесения таких повреждений, а также характера действий виновного, который в процессе убийства неоднократно менял орудия преступления

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 октября 2017 г. № 170-П17

(Извлечение)

По приговору Ивановского областного суда, постановленного с участием присяжных заседателей, от 22 марта 2017 г. Н. осужден по п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы сроком на семнадцать лет.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей Н. признан виновным в убийстве, совершенном с особой жестокостью, при следующих обстоятельствах.

Во время распития спиртных напитков между осужденным Н. и потерпевшим Б. произошел конфликт на бытовой почве, в ходе которого осужденный стеклянным графином нанес несколько ударов по голове потерпевшего, причинив пять

ушибленных ран, отчего тот упал на пол. Затем осужденный, взяв со стола в кухне нож, в течение 30 мин. наносил множественные удары потерпевшему в область лица, шеи, груди, плеч, предплечья, кистей рук, причинив ему прижизненно 3 резаные раны и 52 колото-резаные раны.

Кроме того, осужденный нанес потерпевшему множественные удары ножом и неустановленным тупым твердым предметом с ограниченной контактирующей поверхностью, причинив ему кровоизлияние в слизистой оболочке нижней губы, а также различного рода ссадины на лице, шее, левых плече и предплечье. От сочетанной травмы головы, шеи, груди и верхних конечностей потерпевший через непродолжительное время скончался на месте.

Не зная о том, что потерпевший скончался, осужденный продолжил наносить ему множественные удары ножом в область груди, брюшной полости, живота и поясничной области, а также нанес 4 удара вилкой в поясничную область.

В результате нанесенных ударов потерпевшему были причинены резаная рана в поясничной области, 15 колотых ран в поясничной области, 36 колото-резаных ран на боковой поверхности груди, на животе слева и на задней поверхности груди слева, 21 рана в поясничной области, 2 раны на животе справа.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 1 июня 2017 г. изменила приговор в отношении Н. и переквалифицировала его действия с п. "д" ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ, по которой назначила лишение свободы сроком на тринадцать лет.

Потерпевшая К. в надзорной жалобе просила об отмене апелляционного определения ввиду необоснованности переквалификации действий осужденного на ч. 1 ст. 105 УК РФ, поскольку причинение потерпевшему Б. в течение длительного периода времени значительного количества телесных повреждений различного характера со сменой орудий преступления вопреки выводам суда апелляционной инстанции свидетельствует об особой жестокости, а назначенное наказание не соответствует тяжести содеянного и не отвечает требованиям справедливости.

Президиум Верховного Суда РФ 18 октября 2017 г. отменил апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении Н. по следующим основаниям.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)", квалифицирующий признак "с особой жестокостью" наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление над жертвой, либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего

яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.).

Судебная коллегия, внося изменения в приговор, указала, что обстоятельств, свидетельствующих об особой жестокости, вердиктом присяжных заседателей установлено не было. Сама по себе множественность ранений, причиненных потерпевшему, не тождественна особой жестокости и при отсутствии других доказательств не может служить основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью.

Однако такой вывод суда апелляционной инстанции противоречит вердикту присяжных заседателей, которые, отвечая на поставленные перед ними вопросы, входящие в их компетенцию, признали доказанным не только множественность причиненных потерпевшему телесных повреждений, но и указали на их локализацию, длительность нанесения таких повреждений, а также характер действий подсудимого, который в процессе убийства неоднократно менял орудия преступления.

Кроме того, Судебная коллегия, внося изменения в приговор, оставила без внимания положения ч. 3 ст. 348 УПК РФ, согласно которым председательствующий квалифицирует содеянное подсудимым в соответствии с обвинительным вердиктом, а также установленными судом обстоятельствами, не подлежащими установлению присяжными заседателями и требующими собственно юридической оценки, к которым, в частности, относится определение особой жестокости.

Из содержания приговора следует, что, давая юридическую оценку содеянному, суд первой инстанции, исходя из установленных присяжными заседателями фактических обстоятельств, пришел к выводу, что об особой жестокости действий подсудимого, направленных на причинение смерти потерпевшему, свидетельствует то, что осужденный в общей сложности нанес потерпевшему не менее 58 ударов графином, ножом, неустановленным тупым предметом.

Также судом первой инстанции было установлено, что Н. в процессе нанесения телесных повреждений в течение длительного периода времени — до 30 мин., используя различные орудия преступления, прижизненно причинил потерпевшему множественные ранения, в том числе вызывающие физическую боль и страдания, но не сразу влекущие наступление смерти.

Нанося прижизненно множество ударов различными предметами и причиняя потерпевшему колото-резаные раны, в том числе в правой щечной области, в левой щечной области, в подбородочной области слева, в проекции тела нижней челюсти и под левым углом рта, каналы которых слепо заканчивались в подкожных мягких тканях, а также другие повреждения с различной длиной раневого канала от 0,2 до 4 см, Н. осознавал, что своими действиями причиняет потерпевшему особые мучения и страдания.

При таких обстоятельствах следует признать, что выводы Судебной коллегии не соответствуют приведенным в приговоре данным, которые были установлены на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, являющегося в соот-

ветствии с ч. 2 ст. 348 УПК РФ обязательным для председательствующего.

Установленные вердиктом данные о длительности нанесения телесных повреждений, об их характере и локализации, а также другие имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного судом апелляционной инстанции оставлены без внимания, что исказило суть правосудия и повлекло за собой существенное нарушение уголовно-процессуального и уголовного законов, повлиявшее на исход уголовного дела и справедливость назначенного наказания.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ отменил апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. в отношении Н. и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

При новом апелляционном рассмотрении приговор в отношении Н. оставлен без изменения.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Психическое расстройство, не лишающее осужденного способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, подлежит учету в качестве обстоятельства, смягчающего наказание

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20 июня 2017 г. № 201-АПУ17-23

(Извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 17 марта 2017 г. Н., родившийся 10 ноября 1998 г., осужден к лишению свободы на срок семь лет по ч. 3 ст. 33 и п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ за организацию и руководство в несовершеннолетнем возрасте убийством Г. группой лиц по предварительному сговору и к лишению свободы на срок три года по ч. 1 ст. 205² УК РФ за публичное оправдание терроризма, а по совокупности совершенных преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний — к лишению свободы на срок девять лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело в том числе по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 20 июня 2017 г. приговор изменила, признала в качестве смягчающего наказание обстоятельства имеющегося у Н. психического расстройства, не исключающего его вменяемости, смягчила назначенное ему наказание на два месяца за каждое из совершенных им преступлений и по совокупности преступлений, указав следующее.

В суде установлено, что у Н. имеются признаки психического расстройства в форме социализированного расстройства поведения, которое не лишало его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ.

К числу таких обстоятельств согласно разъяснениям, содержащимся в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних”, относится психическое расстройство несовершеннолетнего, не исключающее вменяемости.

Поскольку Н. совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте и у него обнаружено психическое расстройство, не лишающее способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, суд был обязан при назначении осужденному наказания учесть это обстоятельство в качестве смягчающего наказание, однако не сделал этого.

2. Если по первому приговору лицо было осуждено за умышленное преступление (кроме преступления небольшой тяжести) к лишению свободы условно, при вынесении второго приговора за новое преступление суд на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ отменил условное осуждение и назначил наказание в соответствии со ст. 70 УК РФ, то при постановлении третьего приговора за вновь совершенное преступление первая и вторая судимости учитываются при определении наличия рецидива преступлений

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 203-АПУ17-13

(Извлечение)

По приговору Приволжского гарнизонного военного суда от 24 марта 2017 г. И. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ, к лишению свободы на срок семь лет с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 6 июня 2017 г. оставила приговор без изменения, в том числе в части назначенного осужденному вида исправительного учреждения.

Согласно приговору И. 12 января 2010 г. осужден районным судом за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158 и пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ к двум годам шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

29 июля 2011 г. И. вновь осужден районным судом за преступление, предусмотренное пп. “а” и “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ. При этом в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение по приговору районного суда от 12 января 2010 г. было отменено и по совокупности приговоров ему назначено окончательное наказание в виде трех лет ли-

шения свободы. После отбытия наказания в виде лишения свободы за названное тяжкое преступление, в период непогашенной судимости, И. вновь совершил одно тяжкое преступление и два преступления средней тяжести, за которые он осужден к реальному лишению свободы.

Согласно п. “а” ч. 3 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений признается особо опасным при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

При этом в соответствии с разъяснениями в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назна-

чения судами Российской Федерации уголовного наказания”, если по первому приговору лицо было осуждено за умышленное преступление (кроме преступления небольшой тяжести) к лишению свободы условно, при вынесении второго приговора за новое преступление суд на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ отменил условное осуждение и назначил наказание в соответствии со ст. 70 УК РФ, то при постановлении третьего приговора за вновь совершенное преступление первая и вторая судимости учитываются при определении наличия рецидива преступлений.

При таких данных суд первой инстанции правомерно назначил И. отбывание лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

Если акт об амнистии, в силу которого обвиняемый подлежал освобождению от уголовной ответственности, был издан до окончания предварительного расследования, а уголовное дело вопреки этому акту направлено в суд, то судья обязан решить вопрос о прекращении уголовного дела с соблюдением установленной уголовно-процессуальным законом процедуры

*Постановление президиума
Курганского областного суда
от 28 марта 2016 г.*

(Извлечение)

По приговору мирового судьи судебного участка № 21 Притобольного судебного района Курганской области от 2 сентября 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) П. осуждена по ч. 3 ст. 327 УК РФ к штрафу. Освобождена от назначенного наказания на основании п. 9 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”.

П. признана виновной в использовании заведомо подложного документа.

В кассационной жалобе адвокат в интересах осужденной просил об отмене судебных решений, поскольку, по его мнению, собранными по делу доказательствами вина П. в совершении преступления не подтверждена.

Президиум Курганского областного суда 28 марта 2016 г. отменил приговор в отношении П., уголовное дело прекратил, указав следующее.

27 апреля 2015 г. вступило в силу постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении ам-

нистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”, на основании подп. 3 п. 6 которого подлежали прекращению находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовные дела о преступлениях, совершенных до дня вступления в силу указанного Постановления, в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, за которые не предусмотрено наказание, связанное с лишением свободы.

Уголовное дело в отношении П. было возбуждено 31 марта 2015 г. по ч. 3 ст. 327 УК РФ, санкцией которой наказание, связанное с лишением свободы, не предусмотрено.

Вместе с тем эти обстоятельства не были учтены ни в ходе предварительного расследования, ни в суде. П. не было разъяснено, что в отношении нее может быть прекращено уголовное дело вследствие акта об амнистии, не было выяснено ее согласие (несогласие) с прекращением уголовного дела по этому основанию.

Уголовное преследование в отношении П., направление уголовного дела в суд произведены с нарушением положений ст. 84 УК РФ и акта об амнистии, освобождающего П. от уголовной ответственности за деяние, в совершении которого она обвинялась.

Мировой судья после поступления уголовного дела не проверил наличие оснований к его прекращению, назначил судебное заседание и постановил обвинительный приговор, который нельзя признать законным, поскольку П. освобождена не от уголовной ответственности, а от наказания, что ухудшило ее правовое положение.

При таких обстоятельствах неправильное применение акта об амнистии и положений ч. 2 ст. 84 УК РФ являются существенными нарушениями уголовного закона, повлиявшими на исход дела.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Правила назначения наказания, предусмотренные ч. 1 ст. 62 УК РФ, применяются в отношении женщин и в тех случаях, когда санкция статьи предусматривает пожизненное лишение свободы, поскольку этот вид наказания не может быть назначен женщинам в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 57 УК РФ.

При установлении ограничений на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования указание конкретного муниципального образования в приговоре не требуется. Исходя из положений ч. 3 ст. 47¹ УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

По приговору суда С., судимая 10 февраля 2009 г. по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года, осуждена по пп. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ к четырнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы на два года. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение, и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору от 10 февраля 2009 г. окончательно назначено пятнадцать лет лишения свободы с ограничением свободы на два года, с установлением на этот срок в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующих ограничений: не изменять место жительства и пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не выезжать за пределы территории муниципального образования г. Новосибирска, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, два раза в месяц для регистрации.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в отношении С. оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденной, изменил судебные решения в части назначенного С. наказания по следующим основаниям.

Из содержания приговора следует, что суд первой инстанции смягчающим наказание осужденной С. обстоятельством признал явку с повинной. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится явка с повинной), и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

В соответствии с ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ пожизненное лишение свободы и смертная казнь женщинам не назначаются.

Следовательно, с учетом требований ст. 62 УК РФ С. по пп. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ не могло быть назначено наказание, превышающее тринадцать лет четырех месяцев лишения свободы. Однако ей за указанное преступление назначено четырнадцать лет лишения свободы. Не была исправлена допущенная ошибка и при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

Кроме того, при назначении в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы суд первой инстанции ошибочно указал на запрет С. выезжать за пределы территории муниципального образования — г. Новосибирска, поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 47¹ УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденная должна будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор и кассационное определение в отношении С. и смягчил ей наказание по пп. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ до тринадцати лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на два года, установив в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующие ограничения: не изменять место жительства или пребывания, а также не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в специализированный государственный орган для регистрации два раза в месяц.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 6-П17*

2. Если установленное в санкции статьи дополнительное наказание в виде штрафа или ограничения свободы не является обязательным, то суд в описательной-мотивировочной части приговора должен привести основания их назначения.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, К. осужден по ч. 3 ст. 33, п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к одиннадцати годам лишения свободы со штрафом в размере 500 тыс. рублей с ограничением свободы сроком на один год, по ч. 3 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) — к четырнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год шесть месяцев, по ч. 2 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) — к трем годам лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено восемнадцать лет лишения свободы со штрафом в размере 500 тыс. рублей, с ограничением свободы сроком на два года, запрещено изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области,

возложена обязанность являться в специализированный государственный орган для регистрации четыре раза в месяц.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в части назначенного К. наказания по следующим основаниям.

Суд первой инстанции, квалифицировав действия осужденного по ч. 3 ст. 33, п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ, помимо основного наказания в виде лишения свободы назначил ему дополнительные наказания в соответствии с санкцией этой нормы в виде штрафа в размере 500 тыс. рублей и ограничения свободы сроком на один год с установлением указанных в приговоре ограничений.

Однако, как следует из редакции данной статьи уголовного закона, назначение дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы не является обязательным, их применение возможно по усмотрению суда. Между тем суд, назначив по ч. 3 ст. 33, п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ дополнительные виды наказания в виде штрафа и ограничения свободы, в описательно-мотивировочной части приговора данное решение не мотивировал.

При таких обстоятельствах Президиум исключил из судебных решений дополнительные наказания в виде штрафа в размере 500 тыс. рублей и ограничения свободы, назначенные К. по ч. 3 ст. 33, п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Также из судебных решений исключено указание на запрет К. выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы по ч. 3 ст. 33, п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ), поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 47¹ УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 191-П16*

3. В соответствии с ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Определениями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ адвокатам А. и В. выплачено вознаграждение за осуществление защиты осужденных М. и Ч. в суде апелляционной инстанции соответственно в размере 21 600 руб. и 25 200 руб. из средств федерального бюджета. Процессуальные издержки в указанном размере взысканы в доход федерального бюджета с осужденных.

Осужденные в надзорных жалобах просили отменить определения в части взыскания с них процессуальных издержек, поскольку от услуг адвокатов они отказались.

Президиум Верховного Суда РФ исключил из определений указания о взыскании с осужденных процессуальных издержек, мотивировав свое решение следующим.

Согласно ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник

участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Из материалов уголовного дела следует, что осужденный М. отказался от услуг адвоката А. при рассмотрении дела в апелляционном порядке, указав на это в соответствующей расписке, подтвердив отказ в заседании суда апелляционной инстанции.

Однако для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен адвокат А., которому выплачено вознаграждение в размере 21 600 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного М. в доход федерального бюджета.

Осужденный Ч. также отказался от услуг адвоката В. при рассмотрении дела в апелляционном порядке в письменном виде, подтвердив отказ в судебном заседании суда апелляционной инстанции. Несмотря на это, для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен адвокат В., которому выплачено вознаграждение в размере 25 200 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного Ч. в доход федерального бюджета.

При таких обстоятельствах, когда осужденные М. и Ч. отказались от услуг защитников при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, однако их отказ не был удовлетворен и защитники участвовали при рассмотрении дела по назначению суда, на осужденных не может быть возложена обязанность по возмещению расходов, связанных с оплатой труда адвокатов.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 196-П16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

4. Восстановление жилого помещения после пожара не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности.

К. обратился в суд с иском к С. о прекращении права общей долевой собственности на жилой дом, признании права собственности на оставшуюся после пожара часть жилого дома, об обязанности устранить нарушения противопожарных требований, допущенных при возведении жилого дома. В обоснование иска К. указал, что он и А. являлись собственниками жилого дома и земельного участка. В соответствии с договором реального раздела земельного участка и жилого дома и сложившимся порядком пользования часть дома находилась в пользовании А., а другая часть находилась в пользовании К. После пожара, уничтожившего жилой дом, А. продал свой участок.

С. снес сохранившуюся после пожара часть дома, находившуюся в пользовании А., и в настоящее время возводит на ее месте новый объект. К. отказано в государственной регистрации права на принадлежащую ему часть жилого дома, хотя она является объектом капитального строительства, он принимает меры к ее полному восстановлению. К. полагал, что при возведении жилого дома ответчиком нарушены градостроительные и противопожарные нормы.

С учетом изложенного К. просил суд прекратить право общей долевой собственности на спорный жилой дом, признать за ним право собственности на сохранившуюся после пожара часть жилого дома, а также обязать С. устранить нарушения противопожарных требований, допущенные при возведении нового жилого дома.

Решением суда искивые требования К. удовлетворены.

Апелляционным определением данное решение суда отменено в части удовлетворения искивых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, об обязанности С. устранить нарушения противопожарных требований, в указанной части принято новое решение, которым в удовлетворении искивых требований К. отказано.

Судом установлено, что на основании договора купли-продажи 1993 года К. и А. принадлежали на праве общей долевой собственности по 1/2 доли жилого дома.

18 сентября 2008 г. между К. и А. заключен договор реального раздела земельного участка с жилым домом, согласно которому часть жилого дома площадью 85,6 кв.м и земельный участок площадью 1167 кв.м принадлежат А., часть жилого дома площадью 166,8 кв.м и земельный участок площадью 1150,5 кв.м принадлежат К.

На основании указанного договора К. выдано свидетельство о государственной регистрации права от 16 сентября 2013 г. на земельный участок площадью 1136 кв.м, на часть жилого дома свидетельство не выдано.

16 декабря 2009 г. в жилом доме, принадлежащем К. и А., произошел пожар, в результате пожара сгорели внутренние помещения по всей площади, кровля по всей площади, мансарда по всей площади, выгорели потолочные и напольные перекрытия.

Решением суда от 25 октября 2011 г. с А. в пользу К. в счет возмещения ущерба, причиненного пожаром, взыскана денежная сумма.

По договору купли-продажи от 11 июня 2013 г. А. продал, а С. купил земельный участок площадью 1167 кв.м.

Постановлением главы местной администрации от 22 августа 2014 г. земельному участку присвоен новый адрес.

С. оставшаяся после пожара часть дома демонтирована.

3 сентября 2014 г. местной администрацией С. выдано разрешение на строительство жилого дома.

Возведенное С. строение представляет собой жилой дом с мансардным этажом общей площадью 280,1 кв.м.

Сохранившаяся после пожара часть здания, расположенная на земельном участке К., не демонтирована, состоит из цокольного этажа.

Разрешая спор, суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что поскольку жилой дом, который принадлежал сторонам на праве общей долевой собственности, сгорел, на земельном участке ответчика часть оставшегося дома демонтирована, то право собственности на этот объект следует считать прекратившимся.

При этом судебная коллегия указала, что в результате произведенного К. строительства жилого дома на земельном участке, правообладателем которого он является, фактически создан новый объект недвижимости, который в силу п. 1 ст. 222 ГК РФ является самовольной постройкой, доказательств, что указанное строение возведено

с соблюдением строительных норм и правил, норм пожарной безопасности, не угрожает жизни и здоровью граждан, материалы дела не содержат, в связи с чем пришла к выводу о том, что не имеется оснований для удовлетворения искивых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, не законченного строительством, степенью готовности 30%.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу данного Федерального закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной этим Федеральным законом. Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей.

Таким образом, право собственности К. на сохранившуюся после пожара часть жилого дома хоть и не было зарегистрировано, но являлось действительным, и в соответствии со ст. 209 ГК РФ истцу принадлежало право на восстановленные имущества, пострадавшего при пожаре.

Согласно п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

По смыслу приведенной правовой нормы основанием прекращения права собственности на вещь являются в том числе гибель или уничтожение имущества, влекущие полную и безвозвратную утрату такого имущества.

При этом восстановление объекта не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности.

Как установлено судом, в результате произошедшего пожара сохранилась часть жилого дома, находившегося в общей долевой собственности истца и ответчика. Однако в нарушение требований ст. 198 ГК РФ данному обстоятельству суд оценку не дал.

Отказ собственника от права собственности является одним из оснований прекращения права собственности в соответствии с п. 1 ст. 235 ГК РФ.

Согласно ст. 236 ГК РФ гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество.

Совершение собственником действий по устранению от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на него влечет прекращение его права собственности на это имущество.

Судом установлено, что ответчиком построен отдельный жилой дом на принадлежащем ему земельном участке, каких-либо действий в отношении оставшейся после пожара части жилого дома им не осуществлялось и каких-либо притязаний в отношении этого объекта не заявлялось, ответ-

чик в возражениях на иск исходил из отсутствия у него права собственности на оставшийся после пожара объект.

Однако судом не была дана правовая квалификация данных обстоятельств, не установлено, отказывался ли С. от принадлежащего ему права собственности на сохранившийся после пожара жилой дом, было ли его право собственности прекращено в установленном законом порядке.

Как разъяснено в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав”, положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на отношения, связанные с созданием самовольно возведенных объектов, не являющихся недвижимым имуществом, а также на перепланировку, переустройство (переоборудование) недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект недвижимости.

Лица, право собственности или законное владение которых нарушается сохранением таких объектов, могут обратиться в суд с иском об устранении нарушения права, не соединенного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

В случаях, когда самовольно возведенный объект, не являющийся новым объектом или недвижимым имуществом, создает угрозу жизни и здоровью граждан, заинтересованные лица вправе на основании п. 1 ст. 1065 ГК РФ обратиться в суд с иском о запрещении деятельности по эксплуатации данного объекта.

При таких обстоятельствах суду надлежало установить, является ли строение, о признании права собственности на которое ставил вопрос К., восстановленным имуществом либо вновь созданным, соответствует ли данный объект требованиям, предъявляемым к нему законом.

Данное обстоятельство является существенным для правильного разрешения спора, поскольку при рассмотрении дела установлено, что на смежных земельных участках, принадлежащих истцу и ответчику, существуют два строения, расположение которых относительно друг друга не соответствует требованиям градостроительного законодательства и безопасности.

В силу диспозитивности гражданского законодательства возведение нового строения и последующее возникновение прав на него не должны умалять уже существующие права третьих лиц, добросовестно их реализовавших. Таким образом, разрешение вопроса о том, является ли строение, находящееся на земельном участке К., существовавшим до строительства дома, принадлежащего С., либо вновь созданным по отношению к нему, необходимо для правильного определения правоотношений сторон и законного разрешения возникшего между ними спора, от чего суд уклонился.

В случае возникновения вопросов, требующих наличия специальных знаний, суд на основании положений ст. 79 ГПК РФ мог назначить соответствующую экспертизу, чего также сделано не было.

Определение № 33-КГ16-12

Разрешение споров, связанных с заключением обеспечительных сделок

5. Если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет стоимости заложенного имущества погашаются прежде всего требования кредитора-залогодержателя.

Банк, С., П., О., А. обратились в суд с иском к М., Л. о признании наследниками, взыскании долгов наследодателя с наследников, взыскании задолженности по кредитным договорам и об обращении взыскания на заложенное имущество.

В обоснование исковых требований банк указал следующее. Между В. и банком были заключены кредитные договоры. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и В. заключены также договоры залога недвижимого имущества, согласно которым в залог банку переданы земельный участок и жилой дом.

Кроме того, в обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и супругой заемщика Л. заключены договоры поручительства.

В связи со смертью В. (заемщика) банк просил суд признать наследниками умершего его отца М. и супругу Л., солидарно взыскать с наследников задолженность по кредитным договорам, обратить взыскание на заложенное имущество (жилой дом и земельный участок) путем его продажи с публичных торгов, взыскать сумму оплаченной государственной пошлины.

С., П., О. и А. — третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, просили взыскать с ответчиков денежные средства по сделкам, заключенным с В. и не исполненным им.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично. Наследником В. признан его отец М. В пользу банка с М. взыскана задолженность по кредитному договору-1 в размере 1 242 005 руб. Также в пользу банка солидарно с М. и Л. взыскана задолженность по кредитному договору-2 в размере 1 242 465 руб. Обращено взыскание на заложенное имущество (земельный участок и жилой дом) путем его продажи с публичных торгов с начальной продажной стоимостью в 1 129 480 руб. для жилого дома и 2 246 954 руб. для земельного участка. С М. в пользу банка также взысканы расходы на уплату госпошлины в размере 14 311 руб., с Л. — в размере 10 311 руб.

С М. также взысканы денежные суммы: в пользу О. — в размере 2 459 141 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5659 руб.; в пользу П. — в размере 234 401 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5544 руб.; в пользу С. — в размере 784 254 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 11 042 руб.; в пользу А. — в размере 856 094 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ по кассационной жалобе представителя правления банка отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судом, 18 августа 2006 г. между В. и банком заключен кредитный договор, по условиям которого В. предоставлен кредит в размере 3200 тыс. рублей сроком до 17 августа 2011 г. Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г.

22 июля 2008 г. между В. и банком заключен кредитный договор, по условиям которого В. предоставлен кредит в размере 2800 тыс. рублей

сроком до 22 июля 2013 г. Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г.

В обеспечение исполнения обязательств по заключенным кредитным договорам с заемщиком заключены договоры залога недвижимого имущества — земельного участка площадью 1444,30 кв.м и жилого дома общей площадью 76,60 кв.м, а с его супругой Л. — договоры поручительства.

В связи с ненадлежащим исполнением обязательств по возврату заемных денежных средств у В. перед банком образовалась задолженность в сумме 4 933 486 руб.

16 марта 2014 г. В. умер. В наследственную массу после его смерти вошло указанное выше недвижимое имущество, а также 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру.

С заявлением о принятии наследства обратился наследник первой очереди М. (отец наследодателя), которым было принято наследство умершего. Супруга В. — Л. и его дочь с заявлением о принятии наследства не обращались.

В ходе разбирательства по делу судом была назначена судебная экспертиза по оценке принадлежащего В. имущества.

Согласно заключению эксперта рыночная стоимость жилого дома составила 1 411 850 руб., земельного участка — 2 808 693 руб.

Рыночная стоимость доли в праве общей долевой собственности на квартиру была определена исходя из ее кадастровой стоимости и составила 384 593 руб.

Разрешая спор, суд исходил в том числе из того, что статус залогодателя не дает банку преимуществва перед другими кредиторами наследодателя при определении размера денежных обязательств, удовлетворяемых за счет имущества наследника.

Между тем согласно п. 1 ст. 334 ГК РФ (здесь и далее статьи Гражданского кодекса РФ приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом.

В соответствии с п. 2 ст. 334 ГК РФ залог земельных участков, предприятий, зданий, сооружений, квартир и другого недвижимого имущества (ипотека) регулируется законом об ипотеке. Общие правила о залоге, содержащиеся в Кодексе, применяются к ипотеке в случаях, когда Кодексом или законом об ипотеке не установлены иные правила.

Аналогичная норма о преимущественном праве удовлетворения требований залогового кредитора перед остальными кредиторами содержится в Федеральном законе от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ “Об ипотеке (залоге недвижимости)”, п. 1 ст. 1 которого предусмотрено, что по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона — залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложен-

ного недвижимого имущества другой стороны — залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом.

Таким образом, если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет заложенного имущества удовлетворяются интересы прежде всего кредитора-залогодержателя.

Каких-либо исключений из этого правила положения части третьей “Наследственное право” Гражданского кодекса РФ не содержат.

Это судебными инстанциями учтено не было.

Как следует из материалов дела, одним из кредиторов наследодателя В. является банк, заключивший с ним кредитные договоры, обязательства по которым к моменту смерти заемщика не были исполнены в полном объеме. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между заемщиком и банком были заключены договоры залога недвижимого имущества.

Таким образом, банк, являясь залоговым кредитором, имел преимущественное право перед другими кредиторами на погашение всей имеющейся задолженности за счет залогового имущества — земельного участка и жилого дома.

Согласно п. 3 ст. 334 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, при недостаточности суммы, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество, для погашения требования залогодержателя вправе удовлетворить свое требование в непогашенной части за счет иного имущества должника, не пользуясь преимуществом, основанным на залоге.

В связи с этим, а также учитывая, что стоимость залогового имущества являлась недостаточной для погашения задолженности наследодателя В. перед банком в полном объеме, суду следовало определить долю банка для удовлетворения оставшейся части его требований за счет иного имущества наследодателя — 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру наравне с другими кредиторами.

Указанные выше требования закона не были учтены судебными инстанциями при разрешении данного спора, что привело к нарушению прав и законных интересов заявителя.

Определение № 46-КГ16-20

Разрешение споров, возникающих в связи с реализацией права требования страхового возмещения владельцами транспортных средств

6. По договору ОСАГО страховщик обязан выплатить страховое возмещение собственнику поврежденного автомобиля независимо от того, снял ли данное транспортное средство с регистрационного учета его прежний владелец.

Ч. обратился в суд с иском к страховой организации, в которой была застрахована гражданская ответственность владельца транспортного средства З., о взыскании страхового возмещения в размере 105 234 руб., компенсации морального вреда в размере 20 тыс. рублей, штрафа, судебных расходов. В обоснование Ч. указал на причинение ущерба его автомобилю в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине З.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования Ч. оставлены без удовлетворения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в кассационном порядке, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Согласно п. 1 ст. 931 ГК РФ по договору страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена.

В силу ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — Закон об ОСАГО) договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств — это договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Судом установлено, что 22 ноября 2014 г. в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автомашины под управлением Ч. и автомашины под управлением З. автомобилю истца причинены механические повреждения. Виновной в этом дорожно-транспортном происшествии признана З.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из отсутствия доказательств права собственности Ч. на поврежденный автомобиль. При этом суд указал, что в паспорте транспортного средства в качестве собственника указана П., с регистрационного учета автомобиль не снят, а договор купли-продажи данного автомобиля от 19 ноября 2014 г., по условиям которого П. продала его Ч., не может являться доказательством, подтверждающим право собственности истца на данное транспортное средство. Указанные обстоятельства, по мнению суда, свидетельствуют об отсутствии у Ч. права на получение страховой выплаты на основании Закона об ОСАГО.

С выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Между тем судебными инстанциями не было учтено следующее.

Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии с п. 2 ст. 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества.

По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 223 ГК РФ, моментом возникновения права собственности у приобретателя вещи по договору является момент ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором.

В случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом (п. 2 ст. 223 ГК РФ).

Государственной регистрации в силу п. 1 ст. 131 ГК РФ подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение.

К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) п. 1 ст. 130 ГК РФ относит земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания.

В п. 2 ст. 130 ГК РФ установлено, что вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе.

Согласно п. 1 ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Транспортные средства не отнесены законом к объектам недвижимости, в связи с чем относятся к движимому имуществу.

Следовательно, при отчуждении транспортного средства действует общее правило относительно момента возникновения права собственности у приобретателя — момент передачи транспортного средства.

В соответствии с п. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, за исключением транспортных средств, участвующих в международном движении или ввозимых на территорию Российской Федерации на срок не более шести месяцев, осуществляется согласно законодательству Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов.

Согласно п. 3 постановления Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 938 «О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации» собственники транспортных средств либо лица, от имени собственников владеющие, пользующиеся или распоряжающиеся на законных основаниях транспортными средствами, обязаны в установленном порядке зарегистрировать их или изменить регистрационные данные в Государственной инспекции

ции, или военных автомобильных инспекциях (автомобильных службах), или органах гостехнадзора в течение срока действия регистрационного знака "Транзит" или в течение 10 суток после приобретения, выпуска в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле, снятия с учета транспортных средств, замены номерных агрегатов или возникновения иных обстоятельств, потребовавших изменения регистрационных данных.

Аналогичные положения также содержатся в п. 4 приказа МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001 "О порядке регистрации транспортных средств".

Приведенными выше законоположениями предусмотрена регистрация самих транспортных средств, обуславливающая допуск транспортных средств к участию в дорожном движении.

При этом регистрация транспортных средств носит учетный характер и не служит основанием для возникновения на них права собственности.

Гражданский кодекс РФ и другие федеральные законы не содержат норм, ограничивающих правомочия собственника по распоряжению транспортным средством в случаях, когда это транспортное средство не снято им с регистрационного учета.

Отсутствуют в законодательстве и нормы о том, что у нового приобретателя транспортного средства по договору не возникает на него право собственности, если прежний собственник не снял его с регистрационного учета.

Однако это не было учтено судебными инстанциями при разрешении данного спора, в частности при рассмотрении вопроса о наличии у истца права собственности на поврежденное транспортное средство и права на получение страхового возмещения со страховой компании, в которой застрахована гражданская ответственность виновного в названном дорожно-транспортном происшествии.

Определение № 41-КГ16-25

7. Сумма страхового возмещения, излишне выплаченная страхователю, недобросовестно заявившему размер установленного ущерба в большем размере, подлежит возврату как неосновательное обогащение.

Страховая организация обратилась в суд с иском к О. о взыскании суммы неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами.

В обоснование исковых требований она указала, что 12 августа 2013 г. между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства, принадлежащего О., на условиях КАСКО по рискам "хищение", "ущерб".

Страховая сумма по договору составила 2400 тыс. рублей.

15 июля 2014 г. представитель О. обратился в страховую организацию с заявлением о наступлении страхового случая в виде повреждения автомобиля, который произошел 14 июля 2014 г. Однако в установленный срок страховое возмещение обществом выплачено не было.

В связи с этим О. обратилась в суд с требованием о взыскании страхового возмещения. Во время судебного разбирательства страховая организация произвела выплату страхового возмещения в размере 747 733 руб. на основании составленного по ее инициативе экспертного заключения о стоимости устранения повреждений автомобиля, а также заявила ходатайство о назначении судебной автотехнической экспертизы с це-

лью установления реальной стоимости ремонта автомобиля с учетом повреждений, полученных 14 июля 2014 г. Согласно выводам эксперта стоимость восстановительного ремонта автомобиля составила 76 166 руб.

Решением суда по ранее рассмотренному делу О. отказано во взыскании суммы страхового возмещения в связи с тем, что выплаченное страховое возмещение, связанное со страховым случаем от 14 июля 2014 г., в размере 747 733 руб. значительно превышает стоимость восстановительного ремонта автомобиля, определенную судебной экспертизой.

Истец, полагая, что у ответчика возникло неосновательное обогащение, составляющее разницу между выплаченной суммой страхового возмещения в размере 747 733 руб. и суммой восстановительного ремонта, установленной экспертным заключением в размере 76 166 руб., просил суд взыскать сумму неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, а также судебные издержки.

Решением суда иски требования удовлетворены частично: с О. в пользу общества взыскана сумма неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., а также судебные издержки.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя иски требования, руководствовался ст. 1102 ГК РФ и исходил из того, что страховой случай имел место 14 июля 2014 г., поэтому у общества в силу договора страхования возникло обязательство по выплате страхового возмещения в рамках данного страхового случая. Решением суда по другому делу установлен размер ущерба по указанному страховому случаю в сумме 76 166 руб., и именно в таком размере обязана возместить ущерб страховая компания. Обязанность выплатить сумму страхового возмещения, превышающую размер установленного ущерба, ни договором страхования, ни правилами страхования автотранспортных средств не предусмотрена. В связи с этим ранее выплаченная сумма страхового возмещения, превышающая реальный ущерб, является неосновательным обогащением ответчика и подлежит взысканию с нее.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Принимая новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд второй инстанции указал на то, что выплаченное страховой компанией по договору страхования от 12 августа 2013 г. страховое возмещение не может считаться неосновательным обогащением, поскольку его выплата была произведена в рамках договорных отношений. Одновременно судебная коллегия, ссылаясь на п. 4 ст. 1109 ГК РФ, пришла к выводу, что страховщик не мог не знать, что выплата страхового возмещения производится им при отсутствии обязательства, а потому сумма неосновательного обогащения не подлежала возврату.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или

сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного Кодекса.

В силу ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством.

Из названной нормы права следует, что неосновательным обогащением следует считать не то, что исполнено в силу обязательства, а лишь то, что получено стороной в связи с этим обязательством и явно выходит за рамки его содержания.

Согласно п. 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

По смыслу данной нормы не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения денежная сумма, предоставленная во исполнение несуществующего обязательства.

В обжалуемом апелляционном определении судебная коллегия областного суда установила, что между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства.

В связи с этим при наступлении страхового случая 14 июля 2014 г. у страховой организации возникло обязательство по выплате страхового возмещения, которое было исполнено путем перечисления на имя О. 747 733 руб. При этом, перечисляя страховое возмещение в указанном размере, истец исходил из экспертного заключения, сделанного по заказу общества.

Впоследствии решением суда было установлено, что ответчику надлежало выплатить страховое возмещение в меньшем размере, а именно в сумме 76 166 руб., поскольку не все имевшиеся на машине повреждения были связаны со страховым случаем.

При таких обстоятельствах, когда обязанность по выплате страхового возмещения исполнена в большем размере, чем было необходимо, излишне выплаченная сумма подлежала возврату как неосновательное обогащение, а положения п. 4 ст. 1109 ГК РФ были применены судом апелляционной инстанции необоснованно.

Как указала Судебная коллегия, суд первой инстанции правильно разрешил дело, надлежащим образом применил нормы материального права, каких-либо нарушений процессуальных норм им не допущено, в связи с чем решение суда первой инстанции признано законным и обоснованным.

Определение № 1-КГ16-23

Разрешение споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей

8. На граждан, использующих исключительно для личных бытовых нужд товар, который им был отчужден другими гражданами, распространяется законодательство о защите прав потребителей.

К. обратился в суд с иском к обществу (продавец) о замене автомобиля ненадлежащего качества на автомобиль этой же марки (модели, артикула) надлежащего качества, а при отсутствии такового — замене на автомобиль другой марки (модели, артикула) с перерасчетом покупной цены.

В обоснование заявленных требований К. указал, что 6 июня 2015 г. он приобрел у Р. автомобиль, который 30 ноября 2012 г. был продан ответчиком с установлением гарантийного срока продолжительностью 3 года. После приобретения автомобиля истец в пределах гарантийного срока неоднократно обращался в дилерский центр в связи с обнаружением в автомобиле недостатков, однако часть из них не устранена. В замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества ответчик К. отказал.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся судебные постановления как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее.

Судом установлено, что 30 ноября 2012 г. между обществом (продавцом) и З. (покупателем) был заключен договор купли-продажи автомобиля, на который установлен гарантийный срок 3 года.

5 апреля 2014 г. З. продал данный автомобиль Р.

6 июня 2015 г. автомобиль был продан Р. истцу. В период эксплуатации автомобиля К. неоднократно обращался в автосалон в целях устранения различных недостатков автомобиля.

28 сентября 2015 г. истец обратился к обществу (продавцу) с требованием о замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества либо на товар другой марки (модели, артикула), однако ответ на указанное обращение К. получен не был.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что между истцом и ответчиком отсутствуют договорные правоотношения, в связи с чем К. не вправе предъявлять к обществу предусмотренные п. 1 ст. 18 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей) требования.

Между тем в преамбуле Закона о защите прав потребителей установлено, что потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а продавцом — организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору купли-продажи.

Согласно разъяснению, содержащемуся в подп. “а” п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, правами, предоставленными потребителю Законом о защите прав потребителей и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом РФ пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.). При этом следует иметь в виду

предусмотренные Законом о защите прав потребителей случаи, когда ответственность продавца (исполнителя) возникает только перед гражданином, заключившим с ним договор (например, согласно п. 1 ст. 12 названного Закона потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, вправе только тот потребитель, которому было отказано в предоставлении возможности незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, работе или услуге).

Следовательно, гражданин, на законном основании использующий товар исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, которому такой товар был отчужден другим гражданином, также пользуется правами потребителя, если законом не предусмотрено иное.

Как установлено судом, требования К. основаны на том, что переданный ответчиком автомобиль имеет существенные недостатки, препятствующие истцу использовать этот автомобиль по назначению.

Согласно п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в случае обнаружения в технически сложном товаре недостатков по истечении пятнадцати дней со дня передачи такого товара потребителю его требования об отказе от исполнения договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар суммы либо о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены подлежат удовлетворению в случаях обнаружения существенного недостатка товара, нарушения установленных данным Законом сроков устранения недостатков товара либо невозможности использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

Отказывая в иске, судебные инстанции доводы истца о наличии в автомобиле существенных недостатков не исследовали, основываясь только на ошибочном выводе об отсутствии у истца прав потребителя по отношению к ответчику.

Поскольку отказ в иске основан только лишь на приведенном выше ошибочном толковании судебными инстанциями положений Закона о защите прав потребителей, а остальные обстоятельства дела не исследовались, Судебная коллегия отменила состоявшиеся судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 24-КГ16-13

9. Обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена на застройщика.

М. обратилась в суд с иском к обществу о взыскании неустойки и отмене акта приема-передачи квартиры.

В обоснование заявленных требований М. указала, что 12 сентября 2012 г. заключила с ответчиком договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома, по условиям которого ответчик обязался в четвертом квартале 2012 г. окончить строительство этого дома и не позднее двух месяцев после ввода дома в эксплуатацию передать истцу в собственность квартиру, а истец обязался уплатить ответчику определенную де-

нежную сумму. Истец свои обязательства по данному договору выполнила в полном объеме.

Многоквартирный дом был сдан в эксплуатацию 27 июня 2013 г., в то время как квартира должна была быть передана истцу по условиям договора не позднее 1 марта 2013 г.

Извещение о завершении строительства с предложением произвести осмотр квартиры и принять ее поступило от ответчика 17 августа 2013 г.

17 августа 2013 г. истцом и ответчиком подписан акт осмотра объекта долевого строительства, содержащий указания на ряд недостатков объекта долевого строительства (техническое отверстие в потолке, отсутствие горячей воды и др.). Указанным актом установлен срок устранения недостатков — до 10 сентября 2013 г. Кроме того, ответчик сообщил истцу об увеличении площади квартиры на 0,6 кв.м и о необходимости в связи с этим произвести доплату обществу.

Между тем в сентябре 2013 г. филиалом федерального бюро технической инвентаризации (далее — БТИ) произведены обмеры, которые показали, что площадь квартиры не превышает площадь, указанную в договоре долевого участия в строительстве, в связи с чем требования ответчика являлись неправомерными. 15 января 2014 г. ответчик направил истцу односторонний передаточный акт объекта долевого строительства, в котором указана общая площадь квартиры, превышающая фактическую площадь квартиры, с чем истец не согласилась.

С учетом изложенного М. просила взыскать с ответчика неустойку, рассчитав ее за период с 1 марта по 2 октября 2013 г., а также признать недействительным односторонний акт о передаче ей квартиры площадью 91,3 кв.м, исходя из которого следует ее обязанность произвести доплату.

Общество предъявило встречный иск к М. о взыскании задолженности в размере доплаты за увеличение площади объекта долевого строительства на 0,6 кв.м, ссылаясь на то, что такое увеличение подтверждается техническим паспортом, выданным БТИ 24 апреля 2013 г.

Решением суда исковые требования М. удовлетворены частично, с общества взысканы неустойка, расходы на оказание юридической помощи, штраф за нарушение прав потребителя, расходы на оплату экспертизы. Отменен односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 г. В удовлетворении встречного иска общества к М. отказано. С общества взыскана государственная пошлина.

Апелляционным определением решение суда отменено в части взыскания в пользу М. неустойки и штрафа за нарушение прав потребителя, а также в части отмены одностороннего акта приема-передачи объекта долевого строительства. В указанной части принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании неустойки и штрафа. Также постановлено абзац третий резолютивной части решения изложить в следующей редакции: “Признать односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 года недействительным в части указания площади переданной квартиры”. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 453 ГК РФ при изменении договора обязательства сторон сохраняются в измененном виде.

В случае изменения или расторжения договора обязательства считаются измененными или прекращенными с момента заключения соглашения сторон об изменении или о расторжении договора, если иное не вытекает из соглашения или характера изменения договора, а при изменении или расторжении договора в судебном порядке — с момента вступления в законную силу решения суда об изменении или о расторжении договора (п. 3 ст. 453 ГК РФ).

Следовательно, по общему правилу изменение договора влечет изменение соответствующих обязательств сторон лишь на будущее время и не освобождает стороны от ответственности за нарушение обязательств, возникших до такого изменения.

Согласно ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пени) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная этой частью неустойка (пени) уплачивается застройщиком в двойном размере.

В соответствии с ч. 3 ст. 6 названного выше Закона в случае, если строительство (создание) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости не может быть завершено в предусмотренный договором срок, застройщик не позднее чем за два месяца до истечения указанного срока обязан направить участнику долевого строительства соответствующую информацию и предложение об изменении договора. Изменение предусмотренного договором срока передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства осуществляется в порядке, установленном Гражданским кодексом РФ.

По смыслу приведенной нормы Закона согласие на изменение договора в части переноса срока передачи объекта для участника долевого строительства является правом, а не обязанностью.

Как установлено судом, по условиям договора долевого участия в строительстве от 12 октября 2012 г., заключенного М. и обществом, завершение строительства многоквартирного дома планировалось в четвертом квартале 2012 г., а объект долевого строительства подлежал передаче истцу не позднее 1 марта 2013 г.

Поскольку к 1 марта 2013 г. объект долевого строительства не был передан истцу, то с указанной даты подлежала начислению и выплата неустойка.

Уведомление истца о нарушении срока строительства с предложением изменить договор произведено ответчиком с нарушением установленного законом срока — уже после нарушения сроков окончания строительства.

Дополнительное соглашение, которым изменен срок передачи истцу объекта долевого строительства, было заключено М. и обществом 1 июня 2013 г., т.е. после истечения предусмотренного до-

говором долевого участия в строительстве срока создания и передачи квартиры, с которым закон связывает начало начисления неустойки.

При этом указанное дополнительное соглашение не содержит условий об освобождении общества от исполнения возникшего до его заключения обязательства по уплате М. неустойки.

При таких обстоятельствах основания для освобождения общества от обязательства по уплате неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства истцу за период с 1 марта до 1 июня 2013 г. отсутствуют.

В соответствии с п. 4 ст. 12 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Согласно разъяснению, содержащемуся в абз. 1 п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23¹, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Следовательно, освобождение застройщика от ответственности за неисполнение обязательств перед участником долевого строительства по основаниям, предусмотренным законом, допускается судом только в том случае, если наличие таких оснований доказано застройщиком.

В силу ч. 6 ст. 8 Федерального закона “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”, если иное не установлено договором, при уклонении участника долевого строительства от принятия объекта долевого строительства (за исключением случая, когда составлен акт, в котором указывается несоответствие объекта долевого строительства установленным требованиям) застройщик по истечении двух месяцев со дня, предусмотренного договором для передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства, вправе составить односторонний акт или иной документ о передаче объекта долевого строительства (за исключением случая досрочной передачи объекта долевого строительства). Указанные меры могут применяться только в случае, если застройщик обладает сведениями о получении участником долевого строительства сообщения о завершении строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости в соответствии с договором и о готовности объекта долевого строительства к передаче

либо оператором почтовой связи заказное письмо возвращено с сообщением об отказе участника долевого строительства от его получения или в связи с отсутствием участника долевого строительства по указанному им почтовому адресу.

По смыслу приведенной нормы право застройщика составить односторонний акт о передаче объекта долевого строительства возникает в случае неправомерного отказа или уклонения участника долевого строительства от принятия объекта.

Между тем вопрос о том, имело ли место неправомерное уклонение истца от подписания передаточного акта, не был поставлен на обсуждение судом апелляционной инстанции.

Судом апелляционной инстанции не учтено, что предложение осмотреть и принять квартиру поступило истцу от ответчика 17 августа 2013 г. В этот же день объект долевого строительства был осмотрен истцом, о чем был составлен акт осмотра, содержащий указания на недостатки квартиры, в частности на наличие технического отверстия в потолке, на отсутствие горячей воды и счетчиков на воду и т.д.

Сведения об устранении ответчиком указанных недостатков, а также о том, что после такого устранения ответчик предложил истцу принять приведенный в надлежащее состояние объект долевого участия в строительстве, в материалах дела отсутствуют.

Кроме того, принятие квартиры застройщиком неправомерно было обусловлено подписанием акта, в котором указана площадь квартиры, превышающая фактическую, а также уплатой денежной суммы за не существующее в действительности превышение проектной площади.

Факт завышения ответчиком площади квартиры в одностороннем акте судом апелляционной инстанции установлен.

Согласно п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством РФ.

Таким образом, обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена на застройщика.

Оценивая поведение истца как недобросовестное, суд апелляционной инстанции не учел, что отказ принять квартиру и подписать акт приема-передачи был вызван нарушениями и недобросовестным поведением со стороны ответчика, в частности недостатками, обнаруженными при осмотре квартиры, завышением в документах площади построенной квартиры, неправомерными требованиями об оплате несуществующей площади.

Кроме того, апелляционное определение содержит противоречивые выводы. Так, в резолютивной части определения содержится указание об отмене решения суда в части, в том числе в части отмены одностороннего акта приема-передачи объекта долевого строительства.

Далее говорится о принятии нового решения в этой части — об отказе в иске, затем — об изложении абз. 3 резолютивной части решения — об отмене одностороннего акта приема-передачи — в иной редакции, т.е. фактически об изменении решения в той части, в которой постановлено его отменить.

Определение № 4-КГ16-37

Разрешение споров, возникающих в связи с отнесением имущества к общему имуществу супругов

10. На имущество, приобретенное в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, режим общей совместной собственности супругов не распространяется.

У. обратился в суд с иском к П. о разделе совместно нажитого имущества, ссылаясь на следующее. Он состоял в браке с П. В период брака по договору купли-продажи супругами в совместную собственность приобретена квартира. Поскольку брачный договор между сторонами не заключался, соглашение о разделе совместно нажитого имущества не достигнуто, У. просил произвести раздел квартиры между ним и П. и признать за ним право собственности на 1/2 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру.

Ответчик П. искивные требования не признала, просила признать за истцом право собственности на 1/15 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру, а за ней — право собственности на 14/15 доли, учитывая приобретение квартиры на личные средства ответчика в сумме 1750 тыс. рублей.

Судом установлено, что с 23 декабря 2010 г. У. состоял с П. в браке.

В период брака на основании договора купли-продажи от 11 февраля 2011 г. супругами приобретена квартира, право совместной собственности на которую зарегистрировано за ними 10 марта 2011 г.

Цена приобретенной квартиры составила 1995 тыс. рублей.

Как было установлено в ходе рассмотрения дела и сторонами не оспаривалось, часть денежных средств в размере 1750 тыс. рублей, потраченных на приобретение указанной квартиры, была получена П. в дар от Л. (матери П.) по договору дарения от 11 февраля 2011 г.

Данная сумма выручена матерью П. от продажи принадлежавшей ей на праве собственности квартиры.

Все названные выше сделки были совершены в один день — 11 февраля 2011 г.

Брак между У. и П. расторгнут 9 октября 2014 г.

Раздел имущества супругов после расторжения брака между сторонами не производился.

Разрешая спор и удовлетворяя искивные требования о разделе спорной квартиры между супругами в равных долях, суд первой инстанции исходил из того, что между сторонами было достигнуто соглашение о приобретении квартиры в общую совместную собственность, и поскольку полученные в дар денежные средства были внесены П. по ее усмотрению на общие нужды супругов — покупку квартиры, то на данное имущество распространяется режим совместной собственности супругов.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что выводы судов сделаны с нарушением норм материального права.

В соответствии со ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятель-

ности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В соответствии с п. 1 ст. 36 СК РФ имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью.

Как установлено судом, источником приобретения спорной квартиры являлись средства, полученные П. по безвозмездной сделке, а также частично совместно нажитые средства супругов.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака", не является общим совместным имуществом, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши.

Из приведенных выше положений следует, что юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения, приватизации), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает такое имущество из режима общей совместной собственности.

Вместе с тем судом такое юридически значимое обстоятельство, как использование для приобретения спорной квартиры средств, принадлежавших лично П., ошибочно было оставлено без внимания.

Делая вывод о том, что спорная квартира относится к совместно нажитому имуществу супругов, суд исходил из отсутствия в договоре о ее покупке условий о распределении долей в квартире.

При этом суд не учел, что полученные П. в дар денежные средства в размере 1750 тыс. рублей и потраченные на покупку квартиры являлись личной собственностью П., поскольку совместно в период брака с истцом не приобретались и не являлись общим доходом супругов.

Внесение этих средств для покупки квартиры не меняет их природы личного имущества П.

Таким образом, доли сторон в праве собственности на квартиру подлежали определению пропорционально вложенным личным денежным средствам ответчика и совместным средствам сторон.

Это судебными инстанциями учтено не было и повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений.

Определение № 45-КГ16-16

Разрешение споров, связанных с жилищными отношениями

11. На реконструкцию помещения, влекущую уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, в том числе и земельного участка, на котором расположен этот дом, требуется согласие всех собственников помещений многоквартирного дома.

А. обратилась в суд с иском к В. и местной администрации о признании постановления администрации и разрешения на строительство недействительными, прекращении строительства, приведении земельного участка в состояние, предшествующее началу выполнения работ.

В обоснование заявленных требований А. ссылалась на то, что она является собственником жилого помещения в многоквартирном доме. Ответчик В. перевел принадлежащую ему на праве собственности квартиру, расположенную в том же многоквартирном доме, что и квартира истца, в нежилое помещение. Местная администрация (ответчик) выдала В. разрешение на реконструкцию указанного нежилого помещения со строительством пристройки под парикмахерскую. Истцом согласия на проведение такой реконструкции и строительство пристройки не давалось.

Судом установлено, что 26 ноября 2003 г. спорный земельный участок под многоквартирным домом поставлен на государственный кадастровый учет.

27 октября 2009 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности В. на квартиру, расположенную в указанном доме.

Постановлением местной администрации от 1 июня 2010 г. ответчику предоставлено разрешение на условно разрешенный вид использования (пристроенные к жилым многоквартирным домам объекты общественного питания, торговли, обслуживания населения общей площадью до 1000 кв.м) земельного участка площадью 4408 кв.м, расположенного по тому же адресу.

5 декабря 2011 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности А. на квартиру, расположенную в указанном многоквартирном доме.

Согласно протоколу от 25 ноября 2013 г. внеочередного общего собрания собственников помещений многоквартирного дома 74,6% из них дали согласие на реконструкцию принадлежащей В. квартиры под парикмахерскую со строительством пристройки и входного узла.

Постановлением местной администрации от 29 августа 2014 г. помещения принадлежащей ответчику квартиры переведены в нежилое помещение с целью реконструкции в парикмахерскую с последующей выдачей ему разрешений на такую реконструкцию и на строительство пристройки.

Решением районного суда исковые требования удовлетворены частично. Разрешение на строительство, выданное В. местной администрацией, признано недействительным, на В. возложена обязанность в течение трех месяцев со

дня вступления решения суда в законную силу снести пристройку и восстановить (рекультивировать) территорию, на которой осуществлялось строительство.

Частично удовлетворяя иски, суд первой инстанции исходил из того, что возводимая пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка, являющегося общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома, а проектом реконструкции также предусматривается вырез подоконной части наружной стены до отметки пола, что свидетельствует об уменьшении общего имущества собственников помещений многоквартирного дома и требует получения согласия каждого из них. Между тем такое согласие В. получено не было.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции сослался на то, что разрешения на проведение реконструкции принадлежащего В. нежилого помещения были получены им в установленном законом порядке. Суд также указал, что реконструкция данного помещения не требует присоединения к нему части общего имущества в многоквартирном доме, а занятие части придомовой территории является использованием земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, в связи с чем для такого использования необходимо принятие решения общим собранием собственников помещений многоквартирного дома большинством не менее 2/3 голосов. Такое согласие В. было получено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты. Границы и размер земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, определяются в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности.

В соответствии с ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее — Вводный закон) с момента формирования земельного участка и проведения его государственного кадастрового учета земельный участок, на котором расположены многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, переходит бесплатно в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 66 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», если зе-

мельный участок под многоквартирным домом был сформирован до введения в действие Жилищного кодекса РФ и в отношении его проведен государственный кадастровый учет, право общей долевой собственности на него у собственников помещений в многоквартирном доме считается возникшим в силу закона с момента введения в действие Жилищного кодекса РФ (ч. 2 ст. 16 Вводного закона). В силу чч. 2 и 5 ст. 16 Вводного закона земельный участок под многоквартирным домом переходит в общую долевую собственность собственников помещений в таком доме бесплатно. Каких-либо актов органов власти о возникновении права общей долевой собственности у собственников помещений в многоквартирном доме не требуется.

Как установлено судом, возводимая пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка под многоквартирным домом, который был сформирован и в отношении которого был произведен кадастровый учет в 2003 году, т.е. до введения в действие Жилищного кодекса РФ, а потому указанный земельный участок находится в общей долевой собственности собственников помещений данного дома.

Таким образом, осуществляемая В. реконструкция влечет фактическое уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, а именно земельного участка, на котором расположен этот дом.

Согласно ч. 3 ст. 36 ЖК РФ уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников помещений в данном доме путем его реконструкции.

Если реконструкция, переустройство и (или) перепланировка помещений невозможны без присоединения к ним части общего имущества в многоквартирном доме, на такие реконструкцию, переустройство и (или) перепланировку помещений должно быть получено согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 40 ЖК РФ).

Приведенные правовые нормы свидетельствуют о том, что согласие всех собственников помещений многоквартирного дома требуется на осуществление любой реконструкции, фактически влекущей уменьшение размера общего имущества многоквартирного дома.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что производимая В. реконструкция нежилого помещения не требует получения согласия всех жильцов многоквартирного дома, признан Судебной коллегией основанным на неверном применении норм материального права.

Определение № 83-КГ16-10

12. Приобретение нанимателем служебного жилого помещения или членами его семьи другого жилого помещения в собственность не является основанием для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения.

Администрация муниципального района обратилась в суд с иском к А., О., Д. и Ю. о расторжении договора найма служебного жилого помещения, выселении из служебного жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, снятия с регистрационного учета.

В обоснование своих требований истец указал, что на основании договора найма жилого помещения от 1 февраля 2008 г. администрацией муниципального района А. было предоставлено

служебное жилое помещение, находящееся в муниципальной собственности. Данное жилое помещение предоставлено на период трудовых отношений А. с муниципальным учреждением здравоохранения.

14 мая 2013 г. семье А. была предоставлена социальная выплата на приобретение жилого помещения в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011—2015 годы. С использованием ипотечного кредита семья А. приобрела в долевую собственность двухкомнатную квартиру.

В связи с приобретением в собственность другого жилья в адрес ответчиков истцом 3 марта 2015 г. было направлено требование об освобождении служебного жилого помещения в течение 14 календарных дней с момента получения уведомления, но семья А. отказалась добровольно освободить служебное жилое помещение и продолжает в нем проживать до настоящего времени.

По мнению истца, поскольку спорное жилое помещение включено в число служебных, а ответчики приобрели в собственность другое жилое помещение, то законных оснований для сохранения за ними права пользования служебным жилым помещением не имеется и они подлежат выселению из него.

Ответчики иск не признали, сославшись на то, что до настоящего времени А. состоит в трудовых отношениях с муниципальным учреждением здравоохранения и оснований для расторжения договора найма служебного жилого помещения с ним не имеется. Приобретение в собственность другого жилого помещения в другом населенном пункте таким основанием, по мнению ответчиков, не является.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что спорное жилое помещение имеет статус служебного, было предоставлено А. на период трудовых отношений с муниципальным учреждением здравоохранения, с которым А. состоит в трудовых отношениях по настоящее время, в связи с чем правовых оснований для расторжения с ним договора найма служебного жилого помещения не имеется.

При этом суд указал на то, что действующее жилищное законодательство не содержит такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда было отменено и вынесено новое решение о выселении ответчиков А., О. и их несовершеннолетних детей Ю. и Д. из специализированного (служебного) жилого помещения без предоставления другого жилого помещения.

Отменяя решение суда первой инстанции, судебная коллегия исходила из того, что приобретение в собственность иного жилого помещения является безусловным основанием для расторжения договора найма служебного жилого помещения в связи с утратой нуждаемости работника в жилом помещении.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Право на жилище относится к основным правам и свободам человека и гражданина и гаранти-

руется ст. 40 Конституции Российской Федерации. При этом никто не может быть произвольно лишен жилища.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В связи с этим основания и порядок выселения граждан из жилого помещения должны определяться федеральным законом и только на их основании суд может лишить гражданина права на жилище.

Расторжение договора найма специализированного жилого помещения по инициативе наймодателя регламентирует ст. 101 ЖК РФ, в силу которой договор найма специализированного жилого помещения может быть расторгнут в судебном порядке по требованию наймодателя при неисполнении нанимателем и проживающими совместно с ним членами его семьи обязательств по договору найма специализированного жилого помещения, а также в иных предусмотренных ст. 83 ЖК РФ случаях.

Прекращение договора найма специализированного жилого помещения предусмотрено ст. 102 ЖК РФ, согласно которой названный договор прекращается в связи с утратой (разрушением) жилого помещения, переходом права собственности на жилое помещение в общежитии либо его передачей в хозяйственное ведение или оперативное управление другому юридическому лицу, за исключением случаев, установленных указанной статьей.

Последствиями расторжения и прекращения договора найма жилого помещения, в том числе специализированного, могут являться утрата нанимателем и всеми членами его семьи одновременно права пользования жилым помещением и возможность их выселения из жилого помещения.

В связи с этим ст. 103 ЖК РФ предусмотрено, что в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам.

В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 указанной статьи.

Между тем ни ст.ст. 101, 102 ЖК РФ, ни ч. 4 ст. 83 ЖК РФ не содержат такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность.

Ссылка суда апелляционной инстанции на иные положения ст. 83 ЖК РФ также является неправильной.

Положениями чч. 2 и 3 ст. 83 ЖК РФ, которые подлежат применению и к отношениям по пользованию специализированным жильем помещением, установлено право нанимателя и членов его семьи на одностороннее расторжение договора социального найма, т.е. на односторонний отказ от исполнения договора.

В случае выезда кого-либо из участников договора социального найма жилого помещения в

другое место жительства и тем самым отказа в одностороннем порядке от исполнения названного договора этот договор в отношении его считается расторгнутым со дня выезда.

В связи с этим юридически значимыми и подлежащими доказыванию при разрешении данного спора должны были являться факты добровольного и фактического выбытия ответчиков из служебного жилого помещения в другое место жительства, отказ от прав и обязанностей в отношении указанного помещения.

Однако таких обстоятельств судом по данному делу установлено не было, а из материалов дела следует, что семья Р. на момент вынесения обжалуемого апелляционного определения продолжала проживать в указанном служебном жилом помещении и оплачивать коммунальные и иные обязательные платежи, связанные с проживанием в нем.

Факт приобретения Р. в собственность иного жилого помещения в другом населенном пункте сам по себе не может свидетельствовать ни о выбытии ответчиков из ранее занимаемого жилого помещения, ни об их отказе от прав на это жилое помещение. Приобретение другого жилого помещения в собственность нанимателем по договору найма специализированного жилого помещения не имеет абсолютного значения и должно оцениваться судом с учетом других доказательств, свидетельствующих о намерении лица выехать в другое место жительства.

Запрет на предоставление специализированного жилого помещения гражданам, которые обеспечены жилым помещением в соответствующем населенном пункте (ч. 2 ст. 99 ЖК РФ), не означает запрета на пользование таким жилым помещением, если впоследствии у нанимателя или членов его семьи, которым оно было предоставлено, окажется в собственности другое жилое помещение по основаниям, допускаемым законом.

С учетом изложенного оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 3-КГ16-2

13. Действие договора найма служебного жилого помещения не прекращается автоматически в момент увольнения работника.

В силу этого оснований для применения к отношениям по выселению из занимаемого служебного жилого помещения срока исковой давности, исчисляемого с даты увольнения работника, не имеется.

Прокурор обратился в суд с заявлением в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц к В., Л., Д. о выселении из служебного жилого помещения. В обоснование иска прокурор указал, что 7 июня 2010 г. с В. на период его работы в квартирно-эксплуатационной части Минобороны России (далее — КЭЧ) заключен договор найма служебного жилого помещения. Квартира предоставлена на семью в составе трех человек, включая В., его жену и дочь. 25 октября 2010 г. В. уволен из КЭЧ по собственному желанию, однако предоставленное служебное жилое помещение В. и члены его семьи не освободили.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований прокурора, суд первой инстанции по заявлению ответчика применил к спорным правоотношениям срок исковой давности. При этом суд исходил из того, что трехлетний срок исковой давности для предъявления требований о выселении ответчиков из служебного жилого помеще-

ния исчисляется со дня увольнения В. — 25 октября 2010 г. — и на момент обращения прокурора в суд с заявлением является пропущенным.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, указала на ошибочность выводов судов.

Как установлено судом, на момент рассмотрения дела в суде спорная двухкомнатная квартира, закрепленная за Минобороны России, находилась на балансе ФГКУ «Дальневосточное территориальное управление имущественных отношений». До 2011 года указанное жилое помещение находилось на балансе КЭЧ.

С 20 ноября 2007 г. по 25 октября 2010 г. В. состоял в трудовых отношениях с КЭЧ.

7 июня 2010 г. между КЭЧ и В. на период его работы в КЭЧ заключен договор найма служебного жилого помещения. Данное жилое помещение предоставлено на семью из трех человек.

Приказом начальника КЭЧ от 25 октября 2010 г. В. уволен из КЭЧ по собственному желанию.

Как следует из поквартирной карточки и выписки из финансово-лицевого счета, ответчики проживают в спорном служебном жилом помещении.

Заявление прокурором подано в суд в мае 2015 г.

В соответствии со ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Общий срок исковой давности в соответствии с п. 1 ст. 196 ГК РФ составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 Кодекса.

Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Применяя по заявлению ответчика исковую давность, суд исходил из того, что права собственника жилого помещения являются нарушенными со дня прекращения трудовых отношений В. с КЭЧ, поскольку с указанного момента договор найма служебного жилья считается прекращенным, а у наймодателя возникает право требовать выселения ответчика и членов его семьи из незаконно занимаемой квартиры.

Между тем данный вывод суда не основан на законе.

В соответствии с ч. 3 ст. 104 ЖК РФ договор найма служебного жилого помещения заключается на период трудовых отношений, прохождения службы либо нахождения на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности. Прекращение трудовых отношений либо пребывания на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения.

Согласно ч. 1 ст. 103 ЖК РФ в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые

они занимали по данным договорам. В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 102 и ч. 2 ст. 103 данного Кодекса.

По смыслу приведенных выше норм права прекращение трудовых отношений с работодателем, предоставившим жилое помещение, служит лишь основанием для прекращения договора найма служебного жилого помещения, но не влечет за собой автоматическое прекращение договора в момент увольнения сотрудника. Договор найма служебного жилого помещения сохраняет свое действие вплоть до его добровольного освобождения нанимателем, при отказе от которого гражданин подлежит выселению в судебном порядке с прекращением прав и обязанностей в отношении занимаемого жилья.

С учетом того, что возникшие между сторонами правоотношения, регулируемые нормами жилищного законодательства, носят длящийся характер, а договор найма служебного жилого помещения, на основании которого В. совместно с членами семьи продолжает занимать жилое помещение, не прекратил своего действия, оснований для исчисления срока исковой давности с даты увольнения В. из КЭЧ, а равно и применения исковой давности в рассматриваемом споре у суда не имелось.

Поскольку в связи с принятием решения об отказе в удовлетворении заявления прокурора исключительно по мотиву пропуска срока исковой давности фактические обстоятельства дела судом первой инстанции не исследовались и не устанавливались, Судебная коллегия направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 56-КГ16-8

14. Вынужденный выезд в несовершеннолетнем возрасте из жилого помещения, в которое данное лицо было вселено по договору социального найма, не является основанием признания такого лица утратившим право пользования данным жилым помещением по достижении им совершеннолетнего возраста.

Б. обратился в суд с иском к И. о признании утратившей право пользования жилым помещением со снятием с регистрационного учета.

В обоснование иска Б. указал, что в 2011 году после смерти его дяди С., являвшегося нанимателем спорного жилого помещения, к истцу перешли права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма. Кроме истца в жилом доме с 2000 года по месту жительства зарегистрирована И., 1996 года рождения, которая не является членом семьи истца. И. является дочерью С. и была вселена в спорный жилой дом по месту жительства ее родителей. В 2003 году мать И. добровольно выехала из жилого помещения в другое место жительства, забрав с собой несовершеннолетнюю дочь, и с указанного времени не участвовала в расходах на содержание жилого помещения и оплату коммунальных услуг. По мнению истца, И. утратила право пользования спорным жилым помещением, ее регистрация носит формальный характер.

И. обратилась в суд со встречным иском заявлением к Б. о вселении в указанное жилое помещение, об устранении препятствий и определении порядка пользования жилым помещением, ссылаясь на то, что ее отсутствие в жилом помещении носит вынужденный характер в связи с конфликтными отношениями с Б. и созда-

нием с его стороны препятствий в пользовании жилым помещением. Намерений отказаться от права пользования жилым помещением И. не имеет, после достижения совершеннолетия предпринимала попытки вселиться в жилой дом, оплачивает коммунальные услуги.

Решением суда в удовлетворении иска Б. отказано, встречный иск И. удовлетворен частично, на Б. возложена обязанность не чинить И. препятствий в пользовании спорным жилым помещением, в удовлетворении остальной части встречного иска отказано.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что И. приобрела равное с нанимателем право пользования спорным жилым помещением, которое было определено ей в качестве места жительства соглашением родителей. Суд указал, что выезд И. из жилого помещения не может быть признан добровольным, так как в силу возраста она была лишена возможности самостоятельно реализовать свое право на проживание в нем, а после достижения ответчиком совершеннолетия жилой дом находился в состоянии, непригодном для проживания, отсутствовал доступ в жилое помещение, что свидетельствует о временном и вынужденном отсутствии ответчика в жилом доме.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении исковых требований Б. и об отказе в удовлетворении встречного иска И., суд апелляционной инстанции исходил из того, что местом жительства И. являлось место жительства ее матери, выехавшей вместе с несовершеннолетней дочерью из спорного жилого помещения, непроживание ответчика в жилом помещении носит постоянный характер, И. добровольно отказалась от своих прав и обязанностей по договору социального найма.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судом, между муниципальным образованием (наймодатель) и С. (наниматель) 1 февраля 2011 г. заключен договор социального найма жилого помещения общей площадью 37,5 кв.м.

Согласно договору совместно с нанимателем в качестве членов его семьи в жилое помещение вселены его дочь И. и племянник Б.

С. был зарегистрирован по месту жительства в спорном жилом доме с 8 сентября 1994 г.

Регистрация несовершеннолетней И. в указанном жилом помещении была произведена 24 января 2000 г. по месту жительства ее родителей — С. и Н.

Вступившим в законную силу решением районного суда от 26 июля 2010 г. Н. признана утратившей право пользования спорным жилым помещением в связи с выездом в другое место жительства.

Решением районного суда от 13 декабря 2010 г., вступившим в законную силу, С. отказано в удовлетворении требований о признании несовершеннолетней И. утратившей право пользования спорным жилым помещением. В рамках данного дела суд установил, что выезд И. из жилого помещения носил вынужденный характер.

После смерти С. (6 мая 2011 г.) права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма перешли к Б.

На момент рассмотрения дела в суде в жилом помещении зарегистрированы по месту жительства с 24 января 2000 г. И., с 22 марта 2011 г. — Б., которые указаны в качестве членов семьи нанимателя в заключенном 1 февраля 2011 г. договоре социального найма жилого помещения, при этом И. в доме не проживает.

Согласно ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в случае выезда нанимателя и членов его семьи в другое место жительства договор социального найма жилого помещения считается расторгнутым со дня выезда.

Временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма, кого-либо из проживающих совместно с ним членов его семьи или всех этих граждан не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма (ст. 71 ЖК РФ).

Указанные положения закона подлежат применению с учетом разъяснений, содержащихся в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации”, согласно которым, разрешая споры о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения утратившими право пользования жилым помещением по договору социального найма вследствие их постоянного отсутствия в жилом помещении по причине выезда из него, судам надлежит выяснять: по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака) или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т.п.) или постоянный (выезд свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т.п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др.

При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о добровольном выезде ответчика из жилого помещения в другое место жительства и об отсутствии препятствий в пользовании жилым помещением, а также о его отказе в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, иск о признании его утратившим право на жилое помещение подлежит удовлетворению на основании ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в связи с расторжением ответчиком в отношении себя договора социального найма.

Между тем приведенных обстоятельств, свидетельствующих об отказе ответчика в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, судом первой инстанции установлено не было.

В силу п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей — родителей, усыновителей или опекунов.

В соответствии с положениями чч. 2 и 3 ст. 69 ЖК РФ члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма имеют равные с нанимателем права и обязанности. Члены семьи нанимателя жилого помещения по до-

говору социального найма должны быть указаны в договоре социального найма жилого помещения.

По смыслу указанных норм права несовершеннолетние дети приобретают право на жилую площадь, определяемую им в качестве места жительства соглашением родителей, форма которого законом не установлена. Заключение такого соглашения, одним из доказательств которого является регистрация ребенка в жилом помещении, выступает предпосылкой приобретения ребенком права пользования конкретным жилым помещением, возникающего независимо от факта вселения ребенка в такое жилое помещение, в силу того, что несовершеннолетние дети не имеют возможности самостоятельно реализовать право на вселение.

Как установлено судом первой инстанции, И. в несовершеннолетнем возрасте была зарегистрирована в жилом доме по месту жительства своим отцом, вместе с родителями была вселена в него в 2000 году, проживала в нем, в 2003 году совместно с матерью выехала из дома в период, когда была несовершеннолетней и не имела возможности самостоятельно осуществлять свои права по пользованию жилым помещением.

Само по себе проживание И. совместно с матерью в жилом помещении, не являющемся местом жительства, которое было определено ребенку соглашением родителей, не может служить основанием для признания И. утратившей право пользования спорным жилым помещением.

Судом первой инстанции установлено и не опровергнуто судом апелляционной инстанции то, что от права пользования жилым помещением после наступления совершеннолетия И. не отказывалась, несла расходы по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, а также то, что имелись препятствия в пользовании жилым помещением.

Однако данные обстоятельства, исходя из подлежащих применению к отношениям сторон приведенных выше норм материального права, не получили должной правовой оценки суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что суд первой инстанции правильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, и дал толкование норм материального права, подлежащих применению к отношениям сторон, на основании чего, учитывая наличие в материалах дела сведений о конфликтных отношениях между истцом и ответчиком, чинении ответчику препятствий в пользовании жилым помещением, невозможности пользоваться им, несении И. расходов по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, пришел к правомерному выводу о временном и вынужденном характере ее отсутствия в жилом помещении.

При таких обстоятельствах оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 74-КГ16-30

Разрешение споров, связанных с трудовыми и пенсионными отношениями

15. Работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, средний месячный заработок в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со

дня увольнения сохраняется при наличии совокупности условий: факта обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, нетрудоустройства этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличия исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного.

Общество обратилось в суд с заявлением к органу государственной службы занятости населения (далее — центр занятости населения) о признании незаконными и подлежащими отмене решений о сохранении за Н. среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня его увольнения.

В обоснование заявленных требований общество указало, что Н. состоял в трудовых отношениях с данным обществом, работал в должности авиатехника на станции техобслуживания, расположенной в районе Крайнего Севера (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра).

Приказом работодателя от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работодателя в случае сокращения численности или штата работников организации). В связи с увольнением работодателем Н. выплачены все причитающиеся при расчете суммы, включая выходное пособие и выплату среднего месячного заработка в течение трех месяцев со дня увольнения.

Решениями центра занятости населения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. за Н. признано право на сохранение средней заработной платы в течение соответственно четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения.

Указанные решения общество считает незаконными, поскольку центром занятости населения в нарушение требований Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 “О занятости населения в Российской Федерации” не был применен весь комплекс предусмотренных законом мер по содействию занятости Н., направлений на работу ему не выдавалось. Кроме того, центр занятости населения при решении вопроса о сохранении за уволенным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения не установил обстоятельств, которые в данном конкретном случае могли бы быть признаны исключительными по смыслу положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ и являлись бы основанием для принятия органом службы занятости населения оспариваемых решений.

Представитель органа государственной службы занятости населения и третье лицо Н. в суде заявленные требования не признали.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных обществом требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Судом установлено, что Н. работал в обществе авиатехником на станции техобслуживания, расположенной в поселке, который отнесен к районам Крайнего Севера.

Приказом общества (работодателя) от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение численности или штата работников организации).

4 февраля 2015 г. Н. обратился в центр занятости населения с заявлениями о содействии в поиске подходящей работы и о предоставлении государственной услуги по информированию о положении на рынке труда.

В течение шести месяцев Н. регулярно (дважды в месяц) обращался в центр занятости населения за сведениями о наличии вакансий, однако не был трудоустроен; соответствующих направлений на работу ему не выдавалось в связи с отсутствием вариантов подходящей для него работы.

18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г. Н. обращался в центр занятости населения с заявлениями о выдаче ему решений о сохранении средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения.

18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г., в том числе по заявлениям Н., были проведены заседания комиссии центра занятости населения по рассмотрению оснований для выдачи (либо отказе в выдаче) решения о сохранении среднего заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, оформленные протоколами, по результатам которых приняты решения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. о сохранении за Н. средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения.

В соответствии с информацией, предоставленной центром занятости населения 30 сентября 2015 г., Н. состоял на учете в центре занятости населения в качестве гражданина, ищущего работу, с 4 февраля по 21 августа 2015 г. С 21 августа 2015 г. Н. снят с учета по причине “длительная (более месяца) неявка в органы социальной защиты без уважительной причины”.

Из материалов дела также следует, что Н. является получателем страховой пенсии по старости.

Особенности регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, установлены главой 50 ТК РФ (ст.ст. 313—327).

Согласно ч. 1 ст. 313 ТК РФ государственные гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаются данным Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Дополнительные гарантии и компенсации указанным лицам могут устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами исходя из финансовых возможностей соответствующих субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и работодателей (ч. 2 названной статьи).

Государственные гарантии работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, определены ст. 318 ТК РФ.

Так, согласно чч. 1, 2 и 3 ст. 318 ТК РФ работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравнен-

ных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации (п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ), выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за указанным работником в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в месячный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен.

Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка и сохраняемого среднего месячного заработка, предусмотренных частями первой и второй названной выше статьи, производится работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя.

Из приведенных норм закона следует, что в случае увольнения работника из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации ему безусловно выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка и за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения.

Основанием для сохранения за указанным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения является принятие органом службы занятости населения соответствующего решения, которое обусловлено наличием исключительного случая, касающегося увольнения работника.

Таким образом, сохранение среднего заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев после увольнения, как установлено ч. 2 ст. 318 ТК РФ, производится не в качестве общего правила, а в исключительных случаях.

По смыслу данной нормы закона своевременное обращение уволенного работника в орган службы занятости населения и факт его нетрудоустройства этим органом являются предпосылкой для реализации права на сохранение за работником, уволенным из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения. Реализация же такого права связана с наличием исключительных случаев, подлежащих установлению соответствующим органом службы занятости населения при решении вопроса о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы с момента увольнения.

Отсутствие в норме закона перечня исключительных случаев не может служить основанием для принятия органом службы занятости населения решения о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы со дня увольнения при наличии лишь факта соблюдения таким работником и самим органом службы занятости населения установленного порядка по предоставлению государ-

ственной услуги по содействию в поиске подходящей работы.

Ввиду изложенного к юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению при разрешении споров, связанных с предоставлением работнику, уволенному в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, государственной гарантии в виде сохранения среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения (ч. 2 ст. 318 ТК РФ), относятся: факт обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, нетрудоустройство этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличие исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного.

Однако названные обстоятельства в связи с неправильным применением судами первой и апелляционной инстанций норм материального права не вошли в предмет доказывания, не были вынесены на обсуждение сторон спора и, соответственно, не получили правовой оценки.

Судебные инстанции вследствие ошибочного толкования положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ пришли к неправильному выводу о том, что к исключительным случаям сохранения за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения относятся необходимые условия для реализации этого права — факт обращения работника в месячный срок со дня увольнения в орган службы занятости населения и факт нетрудоустройства такого работника указанным органом.

Судами первой и апелляционной инстанций были допущены также существенные нарушения норм процессуального права.

Из положений ст.ст. 56, 195 ГПК РФ и разъяснений по их применению, содержащихся в пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении”, а также в пп. 5 и 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 “О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству”, следует, что выводы суда об установленных им фактах должны быть основаны на доказательствах, исследованных в судебном заседании. При этом бремя доказывания юридически значимых обстоятельств между сторонами спора подлежит распределению судом на основании норм материального права, регулирующих спорные отношения, а также требований и возражений сторон.

Также в силу положений ст.ст. 67, 71, 195—198 ГПК РФ суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости.

В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства, установленные ст. 2 названного Кодекса.

Эти требования закона судами первой и апелляционной инстанций выполнены не были, обстоятельства, связанные с наличием исключительного случая при принятии органом службы занятости населения решения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения, судами не были определены в качестве юридически значимых и не устанавливались, бремя их доказывания между сторонами не распределялось.

Кроме того, как следует из материалов дела, на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры распоряжением Департамента труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 14 февраля 2014 г. № 17-р-39 в целях единообразного применения положений ст.ст. 178, 318 ТК РФ, ч. 32 ст. 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации” утверждены Методические рекомендации по порядку выдачи решения органом службы занятости населения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации (далее — Методические рекомендации).

В п. 7 Методических рекомендаций предусмотрено, что при рассмотрении комиссией вопроса о выдаче решения о сохранении среднего месячного заработка дополнительно учитываются представленные гражданами документы, в том числе подтверждающие самостоятельный поиск работы (скриншоты отправленных резюме в организации, отметка о приеме резюме организацией, отметка об отказе работодателя от предлагаемой кандидатуры и т.д.), подтверждающие наличие исключительных обстоятельств, в связи с которыми они могли бы претендовать на сохранение среднего месячного заработка в период трудоустройства (отсутствие средств к существованию, тяжелая болезнь, требующая дорогостоящего лечения, наличие нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию, и т.п.).

Методические рекомендации, устанавливающие правила выдачи органом службы занятости населения решения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, а также гражданскими служащими, уволенными из государственного органа, расположенного в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с сокращением должности гражданской службы в государственном органе или упразднением государственного органа, по решению органа службы занятости населения (п. 2 Методических рекомендаций), в нарушение приведенных выше норм процессуального права и разъяснений по их применению при проверке законности решений центра занятости населения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения судами первой и второй инстанций во внимание приняты не были, правовая оценка оспариваемых решений с учетом данных методических рекомендаций, основанных на положениях в том числе ч. 2 ст. 318 ТК РФ, судами не дана.

Определение № 69-КГ16-14

16. Право на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда РФ, имеют бывшие работники этих организаций, имеющие соответствующий стаж работы в организациях угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

Ш. обратился в суд с иском к управлению Пенсионного фонда РФ (далее — пенсионный орган) о признании права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии.

В обоснование заявленных требований указал, что является получателем досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” в связи с наличием 25-летнего стажа работы на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников. 4 марта 2015 г. он обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении ежемесячной доплаты к пенсии на основании Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ “О дополнительном социальном обеспечении отдельных категорий работников организаций угольной промышленности”. Решением пенсионного органа от 17 марта 2015 г. ему отказано в назначении ежемесячной доплаты к пенсии по причине отсутствия необходимого стажа работы. При этом в стаж, дающий право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, ответчиком не был включен период его работы на шахте “Алмазная” Министерства угольной промышленности Украины с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г.

Ш. полагал, что порядок исчисления стажа для назначения доплаты к пенсии, предусмотренный Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, идентичен порядку исчисления стажа для назначения досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ. Поскольку период с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. был учтен пенсионным органом в специальном стаже, дающем право на досрочную трудовую пенсию по старости, постольку этот период подлежит включению в стаж для назначения ежемесячной доплаты к пенсии. Считая, что отказ пенсионного органа в назначении ежемесячной доплаты к пенсии является неправомерным и нарушает его права, Ш. просил суд возложить на пенсионный орган обязанность зачесть в стаж, дающий право на установление ежемесячной доплаты к пенсии, период его работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте “Алмазная” Министерства угольной промышленности Украины, признать за ним право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, и обязать ответчика назначить ему данную доплату с 1 марта 2015 г.

Представитель ответчика в суде иск не признал.

Решением суда исковые требования удовлетворены. За Ш. признано право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ. В стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии, зачтены периоды работы Ш. с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте “Алмазная” Министерства угольной промышленно-

сти Украины. На пенсионный орган возложена обязанность назначить Ш. ежемесячную доплату к пенсии с 4 марта 2015 г.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено в части даты назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии. Постановлено считать датой назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии 1 мая 2015 г. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные постановления и приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска по следующим основаниям.

Дополнительной гарантией в области социального обеспечения работникам, занятым на работах с опасными и (или) вредными условиями труда по добыче (переработке) угля (горючих сланцев), является доплата к пенсии, условия, порядок назначения и выплаты которой определены Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Согласно ч. 1 ст. 1 этого Федерального закона лица, работавшие в организациях угольной промышленности непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий — горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин и получающие пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее — работники организаций угольной промышленности), имеют право на ежемесячную доплату к пенсии (далее — доплата к пенсии) за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности (далее — плательщики взносов) в бюджет Пенсионного фонда РФ на выплату доплаты к пенсии (далее — взносы). В стаж работы, дающей право на доплату к пенсии лицам, указанным в названной статье, включаются периоды работы, засчитываемые в стаж на соответствующих видах работ, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях”. Исчисление стажа работы, дающей право на доплату к пенсии, производится в порядке, предусмотренном при назначении страховой пенсии по старости досрочно в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ.

Пунктом 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ определено, что страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 данного Федерального закона, при наличии величины индивидуального коэффициента в размере не менее 30 лицам, непосредственно занятым полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников, независимо от возраста, если они работали на указанных работах не менее 25 лет, а работникам ведущих профессий — горнорабочим очистного забоя, проходчикам, забойщикам на отбойных молотках, машинистам горных выемочных машин, если они проработали на таких работах не менее 20 лет.

Аналогичные положения в части стажа работы были предусмотрены подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, действовавшего на момент назначения пенсии Ш.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов “О страховых пенсиях” и “О накопительной пенсии” ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ дополнена ч. 2, согласно которой условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения, предусмотренные названным Федеральным законом, распространяются на лиц, работавших в организациях угольной промышленности Российской Федерации, а также на лиц, работавших в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

В соответствии со ст. 35 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ указанные изменения вступили в силу с 1 января 2015 г.

Статьей 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ определено, что финансовое обеспечение расходов на выплату доплаты к пенсии, включая расходы на организацию работы по ее выплате и доставке, производится за счет взносов, поступивших от плательщиков взносов, сумм пеней, начисленных за несвоевременную уплату взносов, и штрафов за неправомерные действия, связанные с реализацией указанного Федерального закона.

По смыслу приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи правом на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда РФ, обладают бывшие работники организаций угольной промышленности, имеющие соответствующий стаж работы в организациях угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г., а именно работавшие в организациях угольной промышленности непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий — горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин.

Между тем при разрешении спора требования указанных норм материального права судами не учтены, а к спорным правоотношениям не применен закон, подлежащий применению, — ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Вывод судов о том, что спорный период работы Ш. был учтен ему ответчиком при назначении досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ и потому подлежит включению в стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, основан на ошибочном толковании и применении норм материального права, регулирующих порядок и условия назначения доплаты к пенсии за стаж ра-

боты в угольной промышленности, которыми прямо предусмотрено, что условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения работников организаций угольной промышленности в виде доплаты к пенсии распространяются только на бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации и лиц, работавших в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

Кроме того, по смыслу ст.ст. 1, 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ источником финансирования доплаты к пенсии за стаж работы в угольной промышленности являются страховые взносы, дополнительно (сверх установленного тарифа) уплачиваемые в Пенсионный фонд РФ организациями угольной промышленности на выплату именно доплаты к пенсии работникам угольной отрасли Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 6 названного Закона для плательщиков взносов установлен тариф взносов в размере 6,7% выплат и иных вознаграждений, начисленных в пользу работников, непосредственно занятых полными рабочими днями на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт, и работников ведущих профессий — горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин.

Частью 3 ст. 6 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ определено, что объектом обложения и базой для начисления взносов являются объект обложения и база для начисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в Пенсионный фонд РФ, которые установлены чч. 1, 3 и 4 ст. 7 и чч. 1, 3 и 6 ст. 8 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Из изложенных норм закона следует, что дополнительные страховые взносы (сверх установленного тарифа), уплачиваемые организациями угольной промышленности Российской Федерации в целях предоставления такой социальной гарантии бывшим работникам организаций угольной промышленности, как доплата к пенсии, не участвуют в формировании размера страховой пенсии, который обеспечивается за счет взносов на обязательное пенсионное страхование, а имеют иное целевое назначение — расходуются только на дополнительное материальное обеспечение бывших работников угольной промышленности Российской Федерации и угольной промышленности бывшего СССР до 1 декабря 1991 г.

Таким образом, порядок установления пенсии работникам угольной промышленности и порядок установления доплаты к ней различны по своему характеру и имеют самостоятельное правовое регулирование. То, что исчисление стажа для назначения доплаты к пенсии бывшим работникам угольной промышленности производится в том же порядке, что и для исчисления пенсии по п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ, не означает, что право на доплату определяется в том же порядке, что и право на установление пенсии.

Ссылка судов первой и апелляционной инстанций на Соглашение стран СНГ от 13 марта

1992 г. «О гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» не самостоятельна, поскольку данное соглашение регулирует вопросы пенсионного обеспечения, а не вопросы дополнительного социального обеспечения работников угольной промышленности, получающих пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляемого за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда РФ на выплату доплаты к пенсии.

Также неправомерно суд апелляционной инстанции привел в обоснование вывода о включении периода работы Ш. после 1 декабря 1991 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины в стаж для назначения доплаты к пенсии правовую позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 июля 2007 г. № 9-П, поскольку предмет проверки Конституционного Суда РФ являлись нормы Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (п. 1 ст. 10) и абз. 3 п. 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, утвержденных постановлением Правительства РФ от 12 июня 2002 г. № 407, регулирующие условия приобретения застрахованными лицами, работавшими по трудовому договору, права на трудовую пенсию и размер ее страховой части.

При таких обстоятельствах выводы судов первой и апелляционной инстанций о распространении условий и норм дополнительного социального обеспечения бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации в виде доплаты к пенсии на лицо, которое имеет стаж работы в организациях угольной промышленности иностранного государства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала основанными на неправильном применении и толковании норм материального права.

Как следует из материалов дела, имеющаяся у Ш. без учета спорного периода работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. продолжительность стажа работы в угольной промышленности Российской Федерации и бывшего СССР до 1 декабря 1991 г. составляет 18 лет 9 месяцев 18 дней, что не дает ему права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Определение № 58-КГ16-14

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

17. Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании компании банкротом, ссылаясь на то, что решением суда общей юрисдикции подтверждено наличие задолженности компании по выплате ему выходного пособия.

На дату судебного заседания по рассмотрению обоснованности этого требования задолженность погашена обществом (третьим лицом) путем внесения денежных средств на депозит нотариуса.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, отказано во введении в отношении компании процедуры наблюдения, заявление гражданина оставлено без рассмотрения. Суды руководствовались ст.ст. 313 и 327 ГК РФ, ст. 33 и п. 3 ст. 48 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) и пришли к выводу об отсутствии оснований для введения процедуры наблюдения, поскольку задолженность погашена в полном объеме.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что общество злоупотребило правом (ст. 10 ГК РФ). Погасив задолженность, общество лишило гражданина статуса заявителя по делу о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника прежде всего состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели. Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа членов которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной судом процедуры несостоятельности (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию.

После получения полного удовлетворения своих требований у гражданина отпал подлежащий защите правовой интерес как в предложении кандидатуры арбитражного управляющего, так и в самом участии в деле о банкротстве.

Сам по себе факт погашения задолженности в полном объеме до введения первой процедуры несостоятельности не свидетельствует о злоупотреблении правом со стороны общества. В обоснование действий по погашению задолженности перед гражданином общество привело убедительные доводы о том, что его поведение не направлено на причинение вреда вовлеченным в процесс несостоятельности лицам, а обусловлено предотвращением банкротства, контролируемого самим должником, что в целом является ожидаемым от любого разумного участника гражданского оборота и соответствует стандарту добросовестности. Гражданин, напротив, получив полное удовлетворение своих требований, утратил разумный мотив в обжаловании судебных актов по настоящему обособленному спору.

Определение № 305-ЭС16-15945

18. Запрет на распоряжение имуществом должника, наложенный в судебном или ином установленном законом порядке в пользу кредитора, не предоставляет последнему прав, предусмотренных ст.ст. 18¹ и 138 Закона о банкротстве.

При рассмотрении иска общества к компании определением арбитражного суда приняты обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество компании. Во исполнение указанного определения судебный пристав-исполнитель постановлениями наложил аресты на конкретное имущество компании. Решением суда по этому делу требования общества к компании удовлетворены.

Впоследствии арбитражным судом принято заявление о признании компании банкротом, в отношении ее введена процедура наблюдения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование общества к компании признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь как обеспеченное залогом имущества должника. Суды пришли к выводу, что залог возник в соответствии с п. 5 ст. 334 ГК РФ со дня вступления в силу решения суда по иску общества к компании.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты в части, касающейся признания требования общества обеспеченным залогом имущества должника, и отказала обществу во включении в реестр требований кредиторов должника его требования как обеспеченного залогом имущества должника, по следующим основаниям.

Из положений ст. 174¹ и п. 5 ст. 334 ГК РФ следует, что права залогодержателя предоставлены кредитору, в интересах которого был наложен арест, прежде всего с целью его защиты в ситуации неправомерного отчуждения должником арестованного имущества третьему лицу. Такая защита обеспечивается наличием у кредитора возможности обратить взыскание на арестованную вещь после того, как она была отчуждена (право следования).

Вместе с тем возникновение у кредитора прав в силу п. 5 ст. 334 ГК РФ связано с регулируемым процессуальными нормами механизмом принятия решения государственным органом об основаниях введения запрета на распоряжение имуществом и о составе конкретного имущества, в отношении которого будет принят запрет на распоряжение. Принцип равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве), не допускает введение судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от процедурных критериев, т.е. в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста.

Таким образом, из системного толкования названных норм права, а также ст.ст. 2, 18¹, 138 Закона о банкротстве следует, что преимуществом по отношению к другим кредиторам в деле о несостоятельности (залоговый приоритет) обладают кредиторы, обязательства должника перед которыми обеспечены залогом в соответствии с п. 1 ст. 334¹ ГК РФ, т.е. ординарным залогом.

Определение № 301-ЭС16-16279

19. Отсутствие у гражданина имущества, за счет которого возможно пропорционально удовлетворить требования кредиторов, само по себе не является основанием для прекращения производства по делу о банкротстве этого гражданина.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, прекращено производство по делу о банкротстве гражданина. Суды исходили из того, что отсутствие у гражданина имущества исключает введение банкротной процедуры реализации его имущества, так как не достигается ее цель — пропорциональное удовлетворение требований кредиторов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В процедуре реализации имущества финансовый управляющий осуществляет действия, направленные на формирование конкурсной массы, — анализирует сведения о должнике, выявляет имущество гражданина, в том числе находящееся у третьих лиц, обращается с исками о признании недействительными подозрительных сделок и сделок с предпочтением по основаниям, предусмотренным ст.ст. 61² и 61³ Закона о банкротстве, об истребовании или о передаче имущества гражданина, истребует задолженность третьих лиц перед гражданином и т.п. (пп. 7 и 8 ст. 213⁹, пп. 1 и 6 ст. 213²⁵ Закона о банкротстве).

На основании доказательств, полученных финансовым управляющим по результатам выполнения упомянутых мероприятий, а также доказательств, представленных должником и его кредиторами, в ходе процедуры реализации имущества суд оценивает причины отсутствия у должника имущества. При этом право гражданина на использование установленного государством механизма банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу. Один лишь факт подачи гражданином заявления о собственном банкротстве нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности.

В ситуации, когда действительно будет установлено недобросовестное поведение должника, суд в соответствии со ст. 213²⁸ Закона о банкротстве и с учетом разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 “О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан”, вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение правил об освобождении гражданина от исполнения долговых обязательств.

Кроме того, действующее законодательство исключает возможность банкротства испытывающего временные трудности гражданина, который в течение непродолжительного времени может исполнить в полном объеме свои обязательства исходя из размера его планируемых доходов (абз. 7 п. 3 ст. 213⁶ Закона о банкротстве).

Закрепленные в законодательстве о несостоятельности граждан положения о том, что недобросовестные должники не освобождаются от обязательств, а также о том, что банкротство лиц, испытывающих временные затруднения, недопустимо, направлены на исключение возможно-

сти получения должником несправедливых преимуществ, обеспечивая тем самым защиту интересов кредиторов.

Таким образом устанавливается баланс между социально-реабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных ст. 213³⁰ Закона о банкротстве, и необходимостью защиты прав кредиторов. Следовательно, вывод судов о том, что процедура реализации имущества гражданина сведется лишь к формальной констатации отсутствия у него имущества, завершению этой процедуры и автоматическому освобождению от обязательств, является ошибочным.

Определение № 304-ЭС16-14541

Разрешение споров, возникающих из вещных правоотношений

20. При приобретении одним лицом всех помещений в многоквартирном доме оно становится единственным собственником земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, с момента государственной регистрации права собственности на последнее помещение. Последующая гибель многоквартирного дома не прекращает право собственности этого лица на земельный участок.

Общество выкупило и стало собственником восьми квартир, находящихся в восьмиквартирном жилом доме. После сноса названного дома общество обратилось в регистрирующий орган с заявлением о регистрации права собственности на сформированный под указанным домом земельный участок.

Регистрирующий орган отказал обществу в регистрации права собственности, сославшись на абз. 10 п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” в редакции, действовавшей до 1 января 2017 г., мотивировав свой отказ отсутствием правовых оснований для регистрации частной (индивидуальной) собственности на общее имущество в многоквартирном доме за одним лицом.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным данного отказа и об обязанности регистрирующего органа осуществить государственную регистрацию права собственности общества на земельный участок.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано. Суды исходили из того, что общество, став собственником всех помещений в здании, не избрало правовой режим многоквартирного дома как единого объекта и не обратилось с заявлением к регистрирующему органу для регистрации права на указанный дом, поэтому его право собственности на здание в целом и, как следствие, на сформированный под этим зданием участок не возникло; ввиду сноса дома право собственности общества на расположенные в доме квартиры, так же как и его право на земельный участок, на котором был расположен разрушенный дом, в силу п. 1 ст. 235 ГК РФ прекратилось.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 2 ст. 8¹ ГК РФ предусмотрено, что права на имущество, подлежащие регистрации (в том числе право собственности на недвижимое имущество), возникают, изменяются, прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Положениями ст. 36 Жилищного кодекса РФ и чч. 2 и 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” установлены иные моменты возникновения права общей долевой собственности у собственников жилых и нежилых помещений на общее имущество многоквартирного жилого дома, в том числе на земельный участок, сформированный под таким домом, а также момент перехода доли в праве на общее имущество — именно с даты государственной регистрации права собственности на квартиру.

Таким образом, покупатель квартиры с момента государственной регистрации права собственности на данный объект приобретает в силу закона и право на долю в общей долевой собственности на сформированный в установленном порядке земельный участок, на котором расположен данный дом.

По смыслу разъяснений, содержащихся в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 64 “О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания”, в случае если одно лицо приобретает право собственности на все помещения в здании, то оно в силу закона также становится обладателем всех долей в праве собственности на земельный участок, расположенный под зданием. Из положений ст. 244 ГК РФ следует, что при указанных обстоятельствах существование долевой собственности на имущество невозможно и она с учетом положений пп. 2 и 4 ст. 8¹ ГК РФ должна рассматриваться как индивидуальная собственность лица на недвижимую вещь. В этом случае, как указано в п. 4 ст. 8¹ ГК РФ, запись об изменении этого права вносится в государственный реестр по заявлению лица, для которого наступают такие правовые последствия, т.е. в том числе и лица, которое в силу приобретения всех долей в праве собственности на недвижимое имущество является единоличным собственником вещи.

Согласно изложенным нормам права при приобретении одним лицом всех жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме, а следовательно, всех долей в праве общей долевой собственности на общее имущество, такое лицо с момента государственной регистрации права на последнюю квартиру или нежилое помещение в многоквартирном доме становится собственником всего земельного участка.

Вывод судов о том, что для приобретения права на земельный участок лицо, ставшее собственником всех помещений в здании (многоквартирном доме), должно преобразовать все помещения и общее имущество в единый объект, не основан на положениях законодательства, которым не предусмотрена также и возможность государственной регистрации права собственности на такой объект, как многоквартирный дом. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в абз. 3 п. 8 вышеназванного постановления Пленума, указанные действия являются правом, а не обязанностью лица.

Основания прекращения права собственности на земельный участок приведены в ст. 44 Земельного кодекса РФ. Такого основания для прекращения права собственности на земельный участок, как гибель (уничтожение) здания, расположенного на земельном участке, названная норма не содержит.

В силу п. 6 ст. 36 ЗК РФ общество сохранило право собственности на земельный участок.

Вместе с тем суды не исследовали вопрос о том, когда был сформирован и поставлен на кадастровый учет земельный участок, в отношении которого общество просит зарегистрировать его право собственности, в том числе был ли он сформирован под ранее существовавшим многоквартирным домом с учетом территории, необходимой для его обслуживания и эксплуатации.

Определение № 305-КГ16-10570

Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

21. Довод должника о том, что исполнение обязательства по предоставлению банковской гарантии в обеспечение исполнения обязательств по договору зависит от воли третьего лица (банка), не может являться основанием для отказа в удовлетворении требований кредитора об обязанности должника исполнить в натуре это обязательство и уплатить неустойку за его неисполнение.

По условиям договора поставки предприятие (поставщик) обязалось предоставить обществу (покупателю) обеспечение исполнения договора в виде банковской гарантии или поручительства.

Ссылаясь на то, что предприятие не предоставило обеспечение, общество обратилось в арбитражный суд с иском о понуждении предприятия к исполнению в натуре обязательства по предоставлению банковской гарантии и о взыскании предусмотренной договором неустойки за неисполнение данного обязательства.

Суд первой инстанции искивые требования общества удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части обязанности предприятия предоставить банковскую гарантию, отказал в этой части иска, а в части взыскания с ответчика неустойки оставил решение суда первой инстанции без изменения. Суд исходил из того, что обязательство по предоставлению банковской гарантии является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица (банка); требование покупателя о взыскании с предприятия неустойки обоснованно, поскольку договором установлена ответственность предприятия за непредоставление, нарушение порядка и срока предоставления обеспечения.

Арбитражный суд округа согласился с выводом суда апелляционной инстанции о том, что не подлежит удовлетворению требование покупателя об обязанности поставщика предоставить банковскую гарантию, но посчитал, что неустойка не может быть направлена на обеспечение неисполнимого обязательства, отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении искивых требований общества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 309 ГК РФ предприятие как сторона по гражданско-правовой сделке

должно надлежащим образом соблюдать согласованные в ней условия, а также требования закона, иных нормативных актов. В п. 1 ст. 329 ГК РФ указано, что исполнение обязательства может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

Вывод суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о том, что покупатель не вправе требовать от поставщика предоставления банковской гарантии, поскольку такое условие договора является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица, противоречит положениям ст. 416 ГК РФ.

По смыслу ст. 416 ГК РФ невозможность исполнения обязательства наступает в случае, если действие, являющееся содержанием обязательства, объективно не может быть совершено ни одним лицом.

Как указано в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, разрешая вопрос о допустимости понуждения должника исполнить обязанность в натуре, необходимо учитывать не только положения Гражданского кодекса РФ, иного закона или договора, но и существо соответствующего обязательства.

Выдача банковских гарантий коммерческим организациям является типичной банковской операцией, постоянно осуществляемой российскими банками и иными кредитными организациями с целью извлечения прибыли, поэтому обращение поставщика к тому или иному банку с просьбой предоставить банковскую гарантию не может нарушать права банка или налагать на него дополнительные обязательства.

В связи с тем, что предусмотренное договором поставки обязательство предприятия по предоставлению исполнения обязательства в виде банковской гарантии не относится к неисполнимым (объективно исполнимо) и может быть исполнено предприятием (субъективно исполнимо), отказ в удовлетворении заявленного обществом требования о присуждении к исполнению обязательства в натуре противоречит указанным положениям закона и сложившейся судебной практике их применения.

Поскольку согласно имеющейся в материалах дела выписке из Единого государственного реестра юридических лиц в уставном капитале общества доля участия Российской Федерации превышает пятьдесят процентов, заключение спорного договора осуществлялось по закупочной конкурсной процедуре, предусмотренной Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц”, в силу которого поставщик обязан предоставить заказчику обеспечение (в том числе в виде банковской гарантии). Следовательно, условие спорного договора поставки о предоставлении поставщиком банковской гарантии соответствует как требованиям названного Закона, так и положениям ст.ст. 309, 310 и 329 ГК РФ.

В нарушение названных норм и условий заключенного сторонами договора предприятие в установленный договором срок не предоставило обществу обеспечение исполнения договора. Доказа-

тельства обращения предприятия в кредитные учреждения по вопросу выдачи банковской гарантии и наличия объективных обстоятельств, препятствующих ее получению, в деле отсутствуют.

В силу п. 1 ст. 329 и п. 1 ст. 330 ГК РФ обязательство предоставить банковскую гарантию, как и любое иное обязательство, в том числе дополнительное, может быть обеспечено неустойкой, поскольку гражданское законодательство не содержит исключений для данного вида обязательства и обеспечение неустойкой не является несовместимым с характером обязательства.

Поскольку договором стороны согласовали возможность начисления поставщику неустойки за непредоставление в установленные сроки обеспечения, является правомерным требование общества о взыскании неустойки с предприятия, нарушившего данное обязательство.

Отказ в удовлетворении требований о предоставлении банковской гарантии и взыскании согласованной сторонами неустойки за непредоставление банковской гарантии может стимулировать должников к неисполнению принятых на себя обязательств, так как лицо, нарушившее обязательство, не будет нести за это гражданскую ответственности, а лицо, в пользу которого должно быть исполнено это обязательство, не получит компенсации своих потерь, а кроме того, создает преимущественное положение для такого должника перед другими участниками закупки.

Определение № 305-ЭС16-14210

Практика применения законодательства о налогах и сборах

22. Утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения не влечет одновременную утрату им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы.

Предпринимателем применялась упрощенная система налогообложения с объектом в виде полученных доходов и патентная система налогообложения в отношении операций по сдаче в аренду недвижимого имущества.

По результатам камеральной налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу об утрате предпринимателем права на применение патентной системы налогообложения на основании п. 6 ст. 346⁴⁵ НК РФ и возникновении у него обязанности по уплате налогов, предусмотренных общей системой налогообложения, в частности налога на доходы физических лиц. В связи с этим доход предпринимателя от деятельности по сдаче имущества в аренду за соответствующий период был включен в налоговую базу по налогу на доходы физических лиц и налоговым органом принято решение о привлечении предпринимателя к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, которым ему предложено уплатить недоимку по названному налогу, суммы пеней и штрафа.

Ссылаясь на то, что спорные суммы дохода от сдачи имущества в аренду были учтены им при исчислении и уплате налога по упрощенной системе налогообложения, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования предпринимателя удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 346¹¹ НК РФ упрощенная система налогообложения применяется индивидуальными предпринимателями наряду с иными режимами налогообложения, а патентная система налогообложения в силу п. 2 ст. 346⁴³ НК РФ применяется в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности.

В случае применения патентной системы налогообложения в отношении отдельного вида предпринимательской деятельности вместо уплаты налога исходя из фактически полученной выручки от осуществления такой деятельности (п. 1 ст. 346¹⁷ НК РФ) в бюджет уплачивается налог, определенный из денежного выражения потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода (ст. 346⁴⁸ НК РФ).

Пунктом 4 ст. 346¹³ НК РФ также установлено, что в случае одновременного применения упрощенной и патентной систем налогообложения доходы, полученные от деятельности, в отношении которой налогоплательщиком был получен патент, суммируются с остальными полученными им доходами для целей определения суммового порога, необходимого для сохранения права на применение упрощенной системы налогообложения.

Таким образом, взаимосвязанные положения глав 26² и 26⁵ НК РФ позволяют сделать вывод о том, что упрощенная система налогообложения в случае ее применения индивидуальным предпринимателем является общей по отношению к патентной системе налогообложения, в рамках которой осуществляется налогообложение доходов лишь по отдельным видам деятельности налогоплательщика.

При этом глава 26⁵ НК РФ не содержит нормы, в силу которой утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения влекла бы одновременную утрату им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы. Поскольку, как установлено судами первой и апелляционной инстанций, упрощенная система налогообложения применялась предпринимателем в спорный период, общая сумма полученных им доходов не превысила пороговое значение, установленное п. 4 ст. 346¹³ НК РФ, то на основании п. 1 ст. 346¹⁴ и п. 1 ст. 346¹⁷ НК РФ при утрате права на применение патентной системы налогообложения предприниматель правомерно учел все полученные им доходы при исчислении налога по упрощенной системе налогообложения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отметила, что Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" п. 6 ст. 346⁴⁵ НК РФ изложен в новой редакции, устранившей существовавшее противополо-

речие действующего правового регулирования посредством указания на возможность перехода налогоплательщика на общий режим налогообложения, упрощенную систему налогообложения, систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (в случае применения налогоплательщиком соответствующего режима налогообложения).

Определение № 301-КГ16-16143

23. Должник, предоставивший отступное в целях прекращения обязательств по договору займа, обязан исчислить налог на добавленную стоимость с этой реализации, а кредитор вправе принять налог к вычету.

Решением налогового органа обществу доначислен налог на добавленную стоимость (далее — НДС), начислены пени и применены налоговые санкции. Основанием доначисления налога послужил вывод налогового органа о неправомерном неначислении обществом НДС от реализации имущественных прав по соглашению, в соответствии с которым общество предоставляло имущество компании взамен исполнения обязательства по договору займа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения налогового органа недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требования общества по следующим основаниям.

Согласно подп. 15 п. 3 ст. 149 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) НДС операции по предоставлению займов в денежной форме, а также оказание финансовых услуг по предоставлению займов в денежной форме. Аналогичным образом в соответствии с положениями ст. 146 НК РФ не является объектом налогообложения НДС возврат заемных денежных средств. Соответственно, от налогообложения НДС освобождаются именно займы в денежной, а не в иной форме.

В силу ст. 409 ГК РФ при подписании соглашения о предоставлении отступного обязательства по договору займа прекращается путем передачи имущества должника кредитору (заемщика займодавцу), т.е. в собственность займодавца передается имущество в обмен на денежные средства. С предоставлением отступного меняется в целом способ исполнения договора займа, прекращаются обязательства сторон по первоначальному способу исполнения и на стороны возлагаются другие, новые обязательства, возникающие из соглашения об отступном (денежная форма возврата займа более не исполняется сторонами).

По смыслу пп. 1 и 3 ст. 38, п. 1 ст. 39 НК РФ, поскольку при передаче имущества в качестве отступного происходит передача права собственности на него на возмездной основе, данная передача признается реализацией, если иное прямо не предусмотрено Кодексом.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, в том числе реализация предметов залога и передача товаров (результатов выполненных работ, оказание услуг) по соглашению о предоставлении отступного или новации, а также передача имущественных прав признаются объектом налогообложения по НДС.

Таким образом, передача имущества в качестве отступного в целях погашения обязательств по договору займа является реализацией имущества, в связи с чем передающая сторона обязана исчислить НДС с реализации, а получающая — вправе принять налог к вычету.

Определение № 309-КГ16-13100

Практика применения таможенного законодательства

24. В случае выявления таможенным органом признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товара, ввозимого по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, декларант должен представить документы и сведения, подтверждающие допустимость применения метода определения таможенной стоимости ввозимого товара по стоимости сделки с ним.

По результатам проведенных в отношении ввезенного обществом товара мероприятий таможенного контроля таможенным органом принято решение о корректировке таможенной стоимости и выставлено требование об уплате таможенных платежей. Основанием принятия указанного решения послужили выводы таможенного органа о том, что представленные декларантом документы не отвечают требованиям п. 4 ст. 65 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее — ТК ТС). Таможенным органом установлена заниженная стоимость контракта, по цене которого определена таможенная стоимость, и взаимосвязанность между обществом (покупателем) и продавцом товара. Однако на требование таможни предоставить документы и сведения, касающиеся взаимосвязи участников внешне-торгового контракта, запрашиваемые сведения представлены не были.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным требования об уплате таможенных платежей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования общества удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

Как разъяснено в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 “О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства”, судам необходимо учитывать, что одним из правил таможенной оценки является наделение таможенных органов правом убеждаться в достоверности декларирования таможенной стоимости исходя из действительной стоимости ввозимых товаров, которое реализуется при проведении таможенного контроля.

В силу п. 1 ст. 68 ТК ТС основанием для принятия решения о корректировке таможенной стоимости товаров является выявленный таможенным органом при осуществлении контроля таможенной стоимости как до, так и после выпуска товаров факт недостоверного заявления сведений об их таможенной стоимости, в том числе в связи с неправильным выбором метода определения таможенной стоимости.

Из содержания п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 г. “Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную

границу таможенного союза” (далее — Соглашение) следует, что метод определения таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними (первый метод) является приоритетным для таможенной оценки, но в ряде случаев использоваться не может как неспособный правильно отразить действительную стоимость товаров. В частности, согласно пп. 1 и 3 ст. 4 Соглашения взаимосвязь сторон договора влечет невозможность применения первого метода определения таможенной стоимости, если она оказала влияние на цену, уплачиваемую или подлежащую уплате за товар. В связи с этим в п. 19 вышеназванного постановления Пленума указано следующее: в случае возникновения спора о правомерности применения первого метода на таможенном органе лежит бремя доказывания признаков того, что взаимосвязь сторон могла повлиять на цену (п. 4 ст. 4 Соглашения), а на декларанте — обязанность доказать, что фактически уплаченная или подлежащая уплате за товар цена была установлена в отсутствие влияния на нее взаимосвязи сторон сделки (пп. 4¹, 4² ст. 4 Соглашения). Таким образом, в случае выявления таможней признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товаров, ввозимых по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, в порядке исключения из общего правила именно на декларанта возлагается бремя предоставления документов и сведений, подтверждающих допустимость применения первого метода определения таможенной стоимости.

Установленные на стадии таможенного контроля обстоятельства, касающиеся взаимосвязанности сторон контракта, признаков искажения стоимости сделки с ввозимыми товарами под влиянием взаимосвязанности, не были мотивированно оспорены обществом, которое отказалось от представления таможенному органу каких-либо дополнительных документов и сведений. В такой ситуации общество не могло применить первый метод определения таможенной стоимости товара.

Определение № 306-КГ16-13324

Практика применения законодательства о рекламе и о лицензируемой деятельности

25. Реклама метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации является надлежащей, если она не раскрывает их содержание и распространяется в составе рекламы медицинских услуг при соблюдении требований, установленных ч. 7 ст. 24 Федерального закона “О рекламе”.

В газете “Ставропольский бизнес” была размещена реклама об использовании врачами общества метода диагностики — ЭКГ-исследования.

Усмотрев в действиях общества признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 14.3 КоАП РФ, поскольку указанная реклама нарушает положения ч. 8 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ “О рекламе” (далее — Закон о рекламе), антимонопольный орган вынес постановление о привлечении общества к административной ответственности в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к антимонопольному органу о признании незаконным данного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Требования к рекламе лекарственных средств, медицинской техники, изделий медицинского назначения и медицинских услуг, в том числе методов лечения, установлены ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе, согласно которой реклама лекарственных средств, медицинских услуг, в том числе методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, медицинских изделий должна сопровождаться предупреждением о наличии противопоказаний к их применению и использованию, необходимости ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов. Эти требования не распространяются на рекламу, распространяемую в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий, а также в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях, и на иную рекламу, потребителями которой являются исключительно медицинские и фармацевтические работники.

Частью 8 ст. 24 Закона о рекламе установлено, что реклама лекарственных препаратов в формах и дозировках, отпускаемых по рецептам на лекарственные препараты, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, а также медицинских изделий, для использования которых требуется специальная подготовка, не допускается иначе как в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий и в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях.

Из приведенных положений следует, что ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе допускает рекламу методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации в составе видов (перечня) медицинских услуг, оказываемых соответствующим медицинским учреждением, предусматривая лишь необходимость предупреждения о наличии противопоказаний к их применению и использованию, ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов.

Вместе с тем реклама, в которой раскрывается содержание того или иного метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации, подпадает под запрет, установленный ч. 8 ст. 24 Закона о рекламе.

В рассматриваемом случае объектом рекламирования была не реклама конкретного метода диагностики и лечения — ЭКГ, с раскрытием преимуществ данного метода и его эффективности, а реклама медицинской услуги.

Определение № 308-АД16-10650

26. Установление факта реализации заявителем алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии является достаточным основанием для отказа уполномоченного органа в предоставлении ему лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.

Общество обратилось в уполномоченный орган (далее — комитет) с заявлением о выдаче лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.

Комитетом проведена внеплановая выездная проверка в отношении общества, в ходе которой

установлено нарушение обществом п. 1 ст. 26 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции” (далее — Закон № 171-ФЗ), поскольку общество на день проверки осуществляло оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии. Кроме того, в представленных общественными документах в нарушение подп. 1 п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ содержались недостоверные сведения, так как по указанному им адресу помимо объекта розничной торговли расположен объект общественного питания, в котором осуществлялась торговля спиртосодержащей продукцией без лицензии.

Решением арбитражного суда по другому делу общество привлечено к административной ответственности в виде штрафа на основании ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ.

Указанные обстоятельства послужили основанием для принятия комитетом решения об отказе в предоставлении обществу лицензии на продажу алкогольной продукции.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к комитету о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

В соответствии с подп. 6 п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ одним из оснований для отказа в выдаче лицензии является несоответствие заявителя иным лицензионным требованиям, установленным в соответствии с положениями ст.ст. 2, 8, 9, 10¹, 11, 16, 19, 20, 25, 26 Закона № 171-ФЗ.

Пункт 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ устанавливает запрет на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующих лицензий, а также передачу лицензии другому лицу и оказание услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности, другому лицу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Таким образом, положения п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ как устанавливающие основания для отказа в выдаче лицензии должны применяться совместно с положениями указанных в нем статей, в том числе с п. 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ.

Установленные факты реализации обществом алкогольной продукции без лицензии и, как следствие, привлечение общества к административной ответственности указывают на явное несоответствие общества требованиям, которые предусмотрены ст.ст. 19, 26 Закона № 171-ФЗ для организаций, стремящихся получить соответствующую лицензию.

Определение № 306-КГ16-15245

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

27. Срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной ин-

фраструктуры исчисляется с момента представления в уполномоченный орган результатов соответствующей оценки.

Постановлением административного органа от 19 января 2016 г. автономная некоммерческая организация “Центр сертификации объектов, обеспечивающих авиационную безопасность” (далее — центр сертификации) привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 11.15.2 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Центр сертификации обратился в арбитражный суд с заявлением к административному органу о признании незаконным и отмене названного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, центру сертификации отказано в удовлетворении заявления. Суды установили, что, являясь специализированной организацией в области обеспечения транспортной безопасности, аккредитованной в установленном порядке, центр сертификации провел дополнительную оценку уязвимости объекта транспортной инфраструктуры — аэропорта (далее — оценка уязвимости) с нарушением Порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, утвержденного приказом Минтранса России от 12 апреля 2010 г. № 87 (далее — Порядок проведения оценки уязвимости), что послужило основанием для отказа Федеральным агентством воздушного транспорта в утверждении результатов проведенной оценки уязвимости. Признавая соблюденным административным органом двухмесячный срок давности привлечения центра сертификации к административной ответственности, суды исходили из того, что совершенное центром сертификации правонарушение является длящимся и моментом его выявления (обнаружения) административным органом является 18 ноября 2015 г. — день получения административным органом, должностное лицо которого уполномочено составлять протокол об административном правонарушении, информации из Федерального агентства воздушного транспорта о нарушении центром сертификации установленного порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

Центр сертификации провел оценку уязвимости, результаты которой были оформлены в двух экземплярах на бумажном носителе и одном экземпляре на магнитном носителе.

В соответствии с требованиями п. 6 Порядка проведения оценки уязвимости результаты проведенной оценки уязвимости были представлены центром сертификации 12 октября 2015 г. в Федеральное агентство воздушного транспорта для рассмотрения и принятия решения об их утверждении либо отказе в утверждении.

Согласно п. 8 Порядка проведения оценки уязвимости решение об утверждении результатов проведенной оценки уязвимости либо об отказе в их утверждении принимается компетентным органом в срок, не превышающий 30 дней.

Таким образом, после представления 12 октября 2015 г. в компетентный орган результатов проведенной оценки уязвимости центр сертифи-

кации не имел возможности внести в эти результаты изменения в целях исправления каких-либо допущенных при проведении оценки уязвимости нарушений установленных требований порядка проведения такой оценки, а соответственно, не мог изменить последствия выявления компетентным органом допущенных центром сертификации нарушений требований законодательства при проведении упомянутой оценки. Следовательно, представив в компетентный орган для рассмотрения результаты оценки уязвимости, проведенной с нарушением требований порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, центр сертификации совершил противоправное деяние.

Учитывая, что моментом совершения правонарушения в рассматриваемом случае является 12 октября 2015 г. и указанное правонарушение не является длящимся, то установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ двухмесячный срок давности привлечения к ответственности истек к моменту вынесения административным органом оспариваемого постановления от 19 января 2016 г. о привлечении к административной ответственности.

Определение № 305-АД16-14470

Процессуальные вопросы

28. Принятия прокурором обязательных мер по досудебному урегулированию, предусмотренному ч. 5 ст. 4 АПК РФ, до обращения в арбитражный суд с требованиями в защиту публичных интересов, прав и законных интересов других лиц не требуется.

Прокурор в интересах неопределенного круга лиц и муниципального образования обратился в арбитражный суд с иском к обществу и предприятию о признании заключенного между ними договора недействительным.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковое заявление возвращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ в связи с несоблюдением прокурором претензионного досудебного порядка урегулирования спора с ответчиками.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии к производству иска по следующим основаниям.

В силу ч. 5 ст. 4 АПК РФ споры по отдельным категориям дел могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер к досудебному урегулированию.

Досудебный порядок урегулирования экономических споров представляет собой взаимные действия сторон материального правоотношения, направленные на самостоятельное разрешение возникших разногласий. Лицо, считающее, что его права нарушены действиями другой стороны, обращается к нарушителю с требованием об устранении нарушения. Если получатель претензии находит ее доводы обоснованными, то он предпринимает необходимые меры к устранению допущенных нарушений, исключив тем самым необходимость судебного вмешательства. Такой порядок ведет к более быстрому и взаимовыгодному разрешению возникших разногласий и споров. Следовательно, на прокуроре лежит обязанность по принятию мер к досудебному урегулированию спора в случае, если орган прокуратуры

участвует в деле в качестве стороны материально-правового спора.

Такая обязанность отсутствует при обращении прокурора в арбитражный суд в защиту чужих интересов с требованиями, предусмотренными ч. 1 ст. 52 АПК РФ, либо при вступлении в дело в целях обеспечения законности на основании ч. 5 ст. 52 АПК РФ. Наделение прокурора процессуальными правами и возложение на него процессуальных обязанностей истца (ч. 3 ст. 52 АПК РФ) не делает прокуратуру стороной материально-правового правоотношения и не налагает на прокурора ограничения, связанные с необходимостью принятия мер по досудебному урегулированию спора.

Определение № 306-ЭС16-16518

29. Поскольку международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам между государствами, отсутствуют, а заключенные международные договоры регламентируют исполнение судебных решений исключительно по частно-правовым спорам (сотрудничество в рамках международного гражданского процесса), арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части.

Арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части также и ввиду того, что указанное решение нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества.

Решением иностранного суда — Специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области (Республика Казахстан) удовлетворены требования Департамента таможенного контроля по Карагандинской области Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан (далее — департамент) к федеральному бюджетному учреждению — войсковой части 26302 (далее — войсковая часть) о взыскании задолженности в бюджеты по таможенным платежам, налогам, пеням.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, удовлетворено заявление департамента о признании и приведении в исполнение указанного решения иностранного суда.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала департаменту в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, поскольку оно противоречит публичному порядку Российской Федерации (п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ).

Требование таможенных органов Республики Казахстан, положенное в основу предъявленного к исполнению иностранного судебного решения, было выставлено войсковой части в результате таможенного контроля ввоза военного имущества, который осуществлялся на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве от 28 марта 1994 г. (далее — договор от 28 марта 1994 г.) и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке содержания и использования Узла Балхаш системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного на территории Республики Казахстан, от 14 декабря 1994 г. Таким образом, Российская Федерация и

Республика Казахстан заключили специальные международные договоры, регламентирующие правовой режим поставок вооружений, военной техники, материально-технических средств в интересах обеспечения вооруженных сил, объектов оборонного назначения и воинских формирований и устанавливающие среди прочего требования о том, что поставки осуществляются на беспрошленной основе, а в целом вопросы поставок продукции определяются специальными соглашениями (ст. 17 договора от 28 марта 1994 г.). Следовательно, все условия поставок военного оборудования, в том числе об уплате налогов, иных сборов от таких поставок, должны быть согласованы сторонами в нормах специальных соглашений. Нормы специальных соглашений, предусматривающих взыскание таможенных сборов или налогов от поставок военной продукции для обеспечения Узла Балхаш, отсутствуют. Таким образом, решение иностранного суда противоречит императивным нормам международного договора, а его исполнение ввиду такого противоречия будет нарушать публичный порядок Российской Федерации.

Кроме того, предъявленное к исполнению решение вынесено по публично-правовому спору, поскольку предполагает взыскание таможенных платежей, налогов, пеней в бюджет иностранного государства. Таким образом, указанное иностранное судебное решение не направлено на защиту частного интереса, обеспечение которого является целью международного правового сотрудничества государств в рамках международного гражданского процесса и реализуется через заключение договоров о правовой помощи по гражданским, семейным, торговым (хозяйственным) делам. Из предмета таких соглашений исключены публично-правовые (налоговые, таможенные, иные административные дела), которые в силу своей природы направлены прежде всего на защиту интересов государства и обеспечение государственной власти соответствующей страны.

В силу принципа суверенного равенства государств оказание содействия со стороны судебной власти одного государства в формировании финансовой основы (бюджета) суверенной власти другого государства может осуществляться только при наличии явно выраженной воли государств на такое взаимодействие. Однако международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам, между Российской Федерацией и Республикой Казахстан отсутствуют.

Предметом обложения таможенными платежами и налогами выступало военное имущество, которое традиционно в силу общих норм международного права, норм законодательства государств об иммунитетах иностранного государства и его имущества обладает судебным и фискальным иммунитетом, иммунитетом в отношении исполнения решения суда (например, ст. 16 Федерального закона от 23 октября 2015 г. № 297-ФЗ “О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации”). Также и войсковая часть, являющаяся федеральным бюджетным учреждением и реализующая в спорных отношениях публичную функцию органа исполнительной власти Российской Федерации (Минобороны России) по международному военному сотрудничеству, обладает су-

дебным иммунитетом от юрисдикции иностранного государства в силу указанного статуса и выполнения публично-правовой функции.

Исполнение решения иностранного суда, которое нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества, противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Определение № 305-ЭС16-13303

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

30. Совершенное путем обмана и злоупотребления доверием хищение чужого имущества у нескольких потерпевших при отсутствии единого умысла на совершение мошенничества в особо крупном размере не может расцениваться как продолжаемое преступление, а должно квалифицироваться как совокупность самостоятельных преступлений в зависимости от размера хищения в каждом отдельном случае.

Установлено, что в период 2012—2014 г. П., злоупотребляя доверием потерпевших, убеждала их получить кредит либо добивалась передачи ей денег, обещая совершить в пользу потерпевших определенные действия (оказать помощь в приобретении автомобиля или жилья, получении статуса беженца). При этом П. знала, что погашать кредиты и совершать данные действия не будет. Помимо этого, П., похитив у потерпевшего Т. деньги и не желая их возвращать, организовала его похищение с целью получения выкупа.

Всего П. было похищено у потерпевших денежных средств в особо крупном размере на общую сумму 13 745 690 руб.

По приговору суда П. осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ на шесть лет лишения свободы со штрафом в размере 400 тыс. рублей и по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “в”, “з” ч. 2 ст. 126 УК РФ на семь лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений П. назначено десять лет лишения свободы со штрафом в размере 400 тыс. рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденной П., изменила приговор в части квалификации ее действий по ч. 4 ст. 159 УК РФ, указав следующее.

По смыслу уголовного закона от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление.

Как хищение в особо крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает один миллион рублей, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в особо крупном размере.

Поскольку судом не установлен умысел П., направленный на хищение денежных средств потерпевших в особо крупном размере, а размер похищенных денежных средств ни у одного из них не превышает один миллион рублей, то действия П. нельзя признать мошенничеством, совершенным в особо крупном размере.

Более того, судом приведены в приговоре фактические обстоятельства, свидетельствующие о том, что каждый раз у П. возникал умысел на совершение мошенничества в разных суммах в отношении различных потерпевших.

Судом также установлено, что преступные действия, направленные на хищение чужого имущества в форме мошенничества, совершены П. разными способами: часть из них — путем обмана, часть — путем злоупотребления доверием.

При таких обстоятельствах содеянное П. не может расцениваться как продолжаемое преступление, и данные действия образуют совокупность преступлений и подлежат переквалификации с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, как мошенничество, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину, и, учитывая размер хищения, на ч. 3 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, как мошенничество, совершенное в крупном размере.

При этом объем обвинения П. по данным эпизодам с учетом санкций указанных частей ст. 159 УК РФ не увеличен.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия П. с ч. 4 ст. 159 УК РФ по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, на ч. 2 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на четыре года, по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, — на ч. 3 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на пять лет со штрафом в размере 60 тыс. рублей. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности 15 преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, а также 21 преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “в”, “з” ч. 2 ст. 126 УК РФ, окончательно П. назначено девять лет лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. рублей.

Определение № 83-АПУ17-2

Назначение наказания

31. Лицо не может быть признано злостным нарушителем порядка отбывания наказания, если на момент вступления в силу акта об амнистии факт совершения им нового умышленного преступления в течение испытательного срока условного осуждения не был подтвержден вступившим в законную силу приговором.

По приговору суда от 14 сентября 2016 г. Б., ранее судимый 1 апреля 2009 г. мировым судьей, осужден по ч. 3 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ). На основании ч. 1 ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 1 апреля 2009 г., окончательно назначено двенадцать лет шесть месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор и исключила указание на применение ч. 5 ст. 74 УК РФ и назначение наказания на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров, указав следующее.

Из материалов уголовного дела следует, что Б. по приговору мирового судьи от 1 апреля

2009 г. осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к восьми месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком восемь месяцев.

Назначая наказание по данному приговору, суд на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ отменил Б. условное осуждение по приговору мирового судьи от 1 апреля 2009 г. и в соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров окончательно назначил ему двенадцать лет шесть месяцев лишения свободы.

С таким выводом суда первой инстанции согласиться нельзя.

В силу положений п. 4 и подп. 6 п. 13 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» условно осужденные подлежат освобождению от наказания, если они не являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

В соответствии с подп. 5 п. 19 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания при применении акта об амнистии следует считать осужденных, совершивших умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока.

При этом по смыслу указанного подпункта факт совершения осужденным нового умышленного преступления в течение установленного судом испытательного срока должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению¹.

Как видно из материалов данного уголовного дела, на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) указанные выше процессуальные документы отсутствовали.

С учетом изложенного основания для применения при назначении наказания положений ч. 5 ст. 74 УК РФ и ст. 70 УК РФ не было.

Определение № 47-АПУ16-9

Процессуальные вопросы

32. Обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, не обладает процессуальным статусом свидетеля по основному уголовному делу, и на него не распространяются тре-

бования ст.ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.

Р. признан виновным в том, что, являясь должностным лицом (начальником управления по административному округу главного управления МВД России), получил от З. взятку в особо крупном размере в виде денег, иного имущества и незаконного оказания услуг имущественного характера за совершение действий в пользу взяткодателя и осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ).

Адвокаты осужденного в апелляционных жалобах просили об отмене приговора и оправдании Р. Защитники осужденного подвергали сомнению достоверность показаний свидетеля З. об обстоятельствах дела, указывая, что с З. было заключено соглашение о сотрудничестве и он был заинтересован в исходе дела. Кроме того, в судебном заседании как свидетель З. не предупреждался об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы — без удовлетворения по следующим основаниям.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении. Такое лицо, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанное обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу, на него не распространяются требования ст.ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные уголовно-процессуальным законом правила предупреждения допрашиваемого лица о такой ответственности.

Материалами дела подтверждается факт заключения с З. досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе относительно обстоятельств дачи им взятки Р.

Таким образом, суд первой инстанции обоснованно разъяснил З. его права, предусмотренные ст. 51 Конституции Российской Федерации, и обязанность исполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве без предупреждения об уголовной ответственности по ст.ст. 307—308 УК РФ. При этом показания З. в судебном заседании, изобличающие Р. в получении взятки, суд оценил в совокупности с другими доказательствами по делу и пришел к выводу об их достоверности, поскольку они подтверждены другими доказательствами, приведенными в приговоре.

Определение № 5-АПУ17-3С

33. В случае изготовления протокола судебного заседания по частям каждая его часть, как и весь протокол в целом, должна быть подписана председательствующим и секретарем. Отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора.

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД и 6578-6 ГД (по амнистии), утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ 29 июля 2015 г.

Как усматривается из материалов уголовного дела в отношении Ц., протокол судебного заседания суда состоял из нескольких частей. Первая его часть, отражающая ход судебного разбирательства начиная с 16 января 2013 г. и до объявления перерыва, составлена секретарем К., затем, с 25 января 2013 г. до объявления перерыва, протокол судебного заседания вела секретарь В., а с 15 февраля 2013 г. — вновь К., которая вела протокол судебного заседания до 22 февраля 2013 г.

В судебных заседаниях с 16 января до 15 февраля 2013 г. были допрошены Ц., ряд свидетелей и исследованы доказательства по делу, положенные в основу приговора, по которому Ц. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ (в ред. Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 87-ФЗ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, отменила приговор по следующим основаниям.

Согласно ст.ст. 245, 259 УПК РФ в судебном заседании ведется протокол судебного заседания, в котором излагаются действия и решения суда, а равно действия участников судебного разбирательства, полно и правильно отражаются все необходимые сведения о ходе рассмотрения дела. Полнота и правильность изготовления протокола должна быть заверена подписью председательствующего и секретаря судебного заседания. Протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем.

В нарушение закона части протокола судебного заседания не были подписаны секретарями судебного заседания, которые их составляли, и председательствующим. Полнота и правильность изложения хода судебного заседания и исследования доказательств надлежаще не заверены.

Отсутствие протокола судебного заседания в том виде, в каком он должен быть оформлен и содержать необходимые реквизиты в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ, свидетельствует о несоблюдении судом обязательной к исполнению процедуры фиксации уголовного процесса, что ставит под сомнение законность и обоснованность вынесенного приговора.

В силу п. 11 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 266 УПК РФ председательствующий объявляет состав суда, сообщает, кто является обвинителем, защитником, потерпевшим, разъясняя сторонам право заявления отвода, а в соответствии с п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ подсудимый вправе заявить отвод государственному обвинителю.

Указанные требования закона при рассмотрении данного уголовного дела судом первой инстанции не выполнены, поскольку в ходе судебного разбирательства 5 февраля 2013 г. произошла замена государственного обвинителя и в нарушение положений ст.ст. 47, 266 УПК РФ председательствующий не выяснил у стороны защиты наличие отводов государственному обвинителю К.

Из приговора следует, что уголовное дело рассмотрено с участием государственного обвинителя Ф., однако после замены государственного обвинителя 5 февраля 2013 г. протокол не со-

держит сведений о продолжении рассмотрения уголовного дела с ее участием.

Помимо изложенного, исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 11 и ч. 2 ст. 16 УПК РФ обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается в ходе судебного производства на суд.

Между тем из протокола судебного заседания видно, что Ц. не разъяснялось право на участие в прениях сторон, слово в прениях ему не было предоставлено и данных о том, что он отказался от участия в прениях, не имеется.

Судебная коллегия отменила приговор и последующие судебные решения в отношении Ц., а уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение иным составом суда.

Определение № 46-УД17-3

34. Оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право указанных лиц на представление доказательств, в частности право стороны обвинения на допрос свидетеля.

По приговору суда, вынесенному с участием присяжных заседателей, Б. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 158 и п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Он же оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, за непричастностью к его совершению.

В апелляционном представлении заместитель прокурора просил приговор отменить и направить дело на новое рассмотрение. По мнению прокурора, суд ограничил сторону обвинения в представлении доказательств, отказав в допросе свидетеля под псевдонимом “И”, что повлияло на необоснованное оправдание Б. за убийство и переквалификацию его действий с разбоя на кражу.

Потерпевшая Г. в апелляционной жалобе также просила об отмене приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор в части осуждения Б. по п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ и оправдания по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом со стадии отбора кандидатов в присяжные заседатели.

Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

Из протокола судебного заседания следует, что наряду с иными доказательствами по эпизоду обвинения Б. в разбойном нападении на П. и его убийстве стороной обвинения были представлены показания свидетеля, указанного в списке обвинительного заключения под псевдонимом “И”, чьи анкетные данные в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ сохранены в тайне на основании постановления следователя.

Показания свидетеля приведены в обвинительном заключении как доказательство стороны обвинения. Сторона обвинения от допроса указанного свидетеля не отказывалась и ходатайствовала о его вызове и допросе в судебном заседании.

Вместе с тем судом было отказано в допросе названного свидетеля. При этом, как указал суд, “его показания не относятся к существу предъявленного Б. обвинения”.

В то же время из содержания приведенных в обвинительном заключении показаний свидетеля

ля “И” следует, что его показания имеют прямое и непосредственное отношение к существу предъявленного Б. обвинения. Недопустимым доказательством его показания не признавались.

При таких обстоятельствах отказ в допросе свидетеля под псевдонимом “И” повлек ограничение права стороны обвинения на представленные доказательства, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, в связи с чем приговор в части оправдания Б. по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит отмене. Поскольку обвинение в указанном преступлении связано с обвинением по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ, действия по которой с учетом вердикта присяжных заседателей судом переквалифицированы на п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ, приговор также подлежит отмене и в части осуждения Б. по указанному составу преступления.

При новом рассмотрении суду надлежит создать участникам процесса со стороны как защиты, так и обвинения необходимые условия для осуществления предусмотренных законом прав.

Определение № 33-АПУ17-1СП

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

35. При определении размера удержаний из пенсии, являющейся для должника-гражданина единственным источником дохода, следует исходить в том числе из принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника и членов его семьи.

Судебным приставом-исполнителем в отношении должников С. и А. возбуждены исполнительные производства, предметом которых являлось взыскание в пользу банка денежных средств.

Также судебным приставом-исполнителем вынесены постановления о направлении копии исполнительного документа для исполнения в пенсионный орган с требованием осуществлять удержания из пенсии должников ежемесячно в размере пятидесяти процентов от дохода каждого.

С. и А. обратились к судебному приставу-исполнителю с ходатайством об установлении указанных удержаний в размере двадцати процентов, ссылаясь на тяжелое материальное положение.

В ответе старшего судебного пристава заявителям разъяснено право обратиться в суд с заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, а также указано, что ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 221-ФЗ “Об исполнительном производстве”, устанавливая предельный размер удержаний (не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов), не ограничивает их фактическую сумму величиной прожиточного минимума.

С. и А. обратились в суд с административным иском заявлением об оспаривании ответа старшего судебного пристава и бездействия указанного должностного лица, выразившегося в ненаправлении им этого ответа и неразрешении в установленном порядке ходатайства о снижении размера удержаний. Просили возложить на судебного пристава-исполнителя обязанность установить минимальный размер удержаний, поскольку они являются инвалидами II группы, имеющийся в их распоряжении остаток денежных средств не позволяет приобретать жизненно важные медикаменты и продукты питания.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

При рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд проверяет законность решения, действия (бездействия) в части, которая оспаривается, и в отношении лица, которое является административным истцом.

При этом суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном иском заявлении о признании незаконными решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, и выясняет обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в полном объеме (ч. 8 ст. 226 КАС РФ).

Порядок рассмотрения заявления, ходатайства лиц, участвующих в исполнительном производстве, определяется ст. 64¹ Федерального закона “Об исполнительном производстве”.

Должностное лицо службы судебных приставов по результатам рассмотрения заявления, ходатайства выносит постановление об удовлетворении полностью или частично либо об отказе в удовлетворении заявления, ходатайства, копия которого не позднее дня, следующего за днем его вынесения, направляется заявителю, должнику, взыскателю, а также в суд, другой орган или должностному лицу, выдавшим исполнительный документ (чч. 5 и 7 указанной статьи).

Вместе с тем судебный пристав-исполнитель приведенные предписания Закона не исполнил, на ходатайство об установлении меньшего размера удержаний ответил письмом, поставленные заявителями вопросы по существу не рассмотрел.

В нарушение предписаний ч. 1 ст. 64 Федерального закона “Об исполнительном производстве”, содержащей открытый перечень исполнительных действий, направленных на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, судебный пристав-исполнитель не проверил и не оценил обстоятельства, на которые ссылались в ходатайстве административные истцы, ограничившись ссылкой на то, что законодательство об исполнительном производстве не предусматривает при обращении взыскания на заработную плату или иной ежемесячный доход должника обязательного учета такого критерия, как прожиточный минимум.

Исходя из положений ст. 99 Федерального закона “Об исполнительном производстве” при исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) допускается возможность удержания не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов должника-гражданина.

Вместе с тем при совершении исполнительных действий судебный пристав-исполнитель не вправе игнорировать принципы исполнительного производства, закрепленные в ст. 4 названного

Закона, а именно принципы законности, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи.

Поскольку исполнение судебного решения не должно приводить к нарушению прав и законных интересов должника и осуществляться без учета основополагающих принципов исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель вправе устанавливать размер удержаний с учетом материального положения должника.

Определение № 45-КГ16-27

36. Правоотношения в сфере кадастрового учета носят публичный характер, в связи с чем дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органа, осуществляющего государственный кадастровый учет недвижимого имущества, подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.

К. обратился в суд с административным исковым заявлением к ФГБУ «ФКП Росреестра» об оспаривании действий, связанных с осуществлением кадастрового учета. В обоснование требований указал, что площадь принадлежащего ему на праве собственности земельного участка помимо его воли уменьшилась в результате внесения в государственный кадастр недвижимости изменений по инициативе собственника смежного земельного участка.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, производство по административному делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 128 и п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ. При этом суды исходили из того, что в результате осуществления кадастрового учета в связи с уточнением площади и местоположения границ земельных участков произошло существенное уменьшение площади земельного участка административного истца, в связи с чем имеется спор о праве на земельный участок, связанный с определением его границ, затрагивающий права и законные интересы собственников смежных земельных участков и подлежащий разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указанные судебные акты отменила, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, которая в каждом конкретном деле осуществляется в одной из форм отправления правосудия, в том числе путем обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2).

В силу п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным Кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц, порядок производства по которым предусмотрен главой 22 названного Кодекса.

Положения ч. 1 ст. 218 КАС РФ предоставляют гражданину право обратиться в суд с требованиями об оспаривании действий (бездействия) органа государственной власти, иного органа, организации, наделенных отдельными государ-

ственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, если он полагает, что нарушены его права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов.

Пунктами 3, 6 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» определен состав сведений государственного кадастра недвижимости об объекте недвижимости, включающий описание местоположения границ объекта недвижимости и площадь, если объектом недвижимости является земельный участок.

Постановка на учет объекта недвижимости, учет изменений объекта недвижимости, учет части объекта недвижимости, учет адреса правообладателя или снятие с учета объекта недвижимости осуществляется в случае принятия органом кадастрового учета соответствующего решения об осуществлении кадастрового учета (ч. 1 ст. 23 названного Закона).

В силу пп. 4, 5.1.3 Положения о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утвержденного постановлением Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 457, названный орган осуществляет государственный кадастровый учет недвижимого имущества, в том числе через подведомственные организации, которой является ФГБУ «ФКП Росреестра».

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что оспаривание решения государственного органа является одним из способов защиты права, выбор которого предоставлен лицу, обращающемуся за такой защитой.

К административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

Поскольку ФГБУ «ФКП Росреестра» реализует административные и иные публичные полномочия по исполнению и применению законов в сфере кадастрового учета, где отношения не основаны на равенстве сторон, требования об оспаривании решения названного органа об изменении сведений кадастрового учета в отношении принадлежащего административному истцу на праве собственности земельного участка вытекают из публичных правоотношений и подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.

Определение № 11-КГ16-20

37. Вмешательство со стороны публичных властей в осуществление права на уважение личной и семейной жизни допускается лишь в случае, если такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, для охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц.

Б. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию. В обоснование требований указал, что оспариваемое решение принято без учета принципа соразмерности, а также фактических обстоятельств, связанных с его личной и семейной жизнью, длительностью пребывания в Российской Федерации и т.д.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен.

Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил, принял новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Судами установлено, что Б., являясь гражданином Исламской республики Иран, проживает в Российской Федерации длительное время вместе с родителями и братьями, получил основное общее и высшее профессиональное образование, трудоустроен, женат на гражданке Российской Федерации.

Поскольку Б. семь раз привлекался к административной ответственности за совершение административных правонарушений в области дорожного движения (нарушение правил применения ремней безопасности, превышение установленной скорости движения и т.д.), уполномоченным органом принято оспариваемое решение.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель, а также являться необходимым в демократическом обществе.

При этом суду при рассмотрении дела всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допустимо лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В силу положений ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Установленные судом первой инстанции обстоятельства дела свидетельствуют о том, что у административного истца фактически утрачены связи с Исламской республикой Иран, в связи с чем указанное решение уполномоченного органа свидетельствует о чрезмерном ограничении права на уважение частной жизни и является несоизмеримым тяжести совершенных Б. административных правонарушений, характер которых не свидетельствует о проявлении крайнего неуважения к законодательству Российской Федерации.

В связи с этим Судебной коллегией признаны правомерными выводы суда первой инстанции о наличии оснований для удовлетворения административного искового заявления.

Определение № 25-КГ16-16

38. Действующее процессуальное законодательство наделяет прокурора правом на обращение в суд с адми-

нистративным исковым заявлением о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке в интересах неопределенного круга лиц.

Прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с административным исковым заявлением о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления отказано, поскольку закон не наделяет прокурора правом обращения в суд с указанными требованиями.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указанные судебные акты отменила, направив материал в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия административного искового заявления к производству суда, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 281 КАС РФ в отношении гражданина, больного заразной формой туберкулеза и неоднократно нарушавшего санитарно-противоэпидемический режим либо умышленно уклоняющегося от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, может быть подано административное исковое заявление о его госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

В соответствии с ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами.

Положения данной статьи об участии прокурора в административном деле являются общими и распространяют свое действие на производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Согласно п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" прокурор в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

Административное исковое заявление о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке предъявлено прокурором в целях обеспечения и защиты конституционных прав граждан, поскольку П. страдает открытой формой туберкулеза и его уклонение от лечения создает угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц.

Поскольку указанное административное исковое заявление подано прокурором исходя из предоставленных ему законом полномочий, правовых оснований для отказа в принятии этого административного искового заявления не имелось.

Определение № 78-КГПР16-67

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г.)

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Журавлева Е.М.**,
Момотов В.В., **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**, **Свириденко О.М.**,
Хаменков В.Б., **Харламов А.С.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 27.04.2018.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,13. Тираж 8694 экз. Заказ 0115-2018.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
109316, г. Москва, Волгоградский просп.,
д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
